

НАДЕЖДА МАМАЕВА

НА ПЕРЕСДАЧУ-
С КЛЫКАМИ!

Надежда Николаевна Мамаева

На пересдачу – с клыками!

Серия «Хищники наших дней», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67675445

На пересдачу – с клыками! / Надежда Мамаева: Авторские; 2021

Аннотация

Если упала как снег на голову одному из бойцов во время подпольного поединка и умудрилась остаться живой, здоровой и даже удрать с места событий, то ты однозначно везучая девушка.

Если на следующий день тебя, мага-артефактора, распределили в отдел правопорядка на стажировку, где получить зачет равносильно чуду, – то, наверное, все же не очень.

А вот если при этом куратором оказался тот, кому ты накануне сорвала операцию под прикрытием, вмешавшись в бой... То, как говорят оборотни, блохи твои дела...

Сможешь ли ты сработаться с этим холодным и циничным офицером? Что ж, прятки на выживание наперегонки с пульсарами это покажут. Ведь дело, в которое ты и оборотень связались, окажется таким же непредсказуемым, как и ваши с ним отношения...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	38
Глава 3	72
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Надежда Мамаева

На пересдачу – с клыками!

© Надежда Мамаева, 2021

© Юлия Таланова, обложка, 2021

© Наталья Мазуркевич, Бронислава Вонсович, Рина Гиппиус, корректура, 2021

Глава 1

«Это провал!» – успела подумать, когда опора под ладонями и коленями угрожающе затрещала, а я замерла враскорячку, боясь пошевелиться. Потому как один неверный вдох – и эта демонова конструкция, не иначе как по ошибке именуемая воздуховодом, рухнет ко всем гремлинам на головы улюлюкающей разгоряченной толпе оборотней, что шумела под нами и пока не подозревала, что над ними по вентиляции ползут две девицы.

Двуликие были поглощены зрелищем сражения. Я не разбиралась: по правилам шел меж оборотнями мордобой или без, со ставками или это был поединок чести... Я оказалась слегка занята другим: спасала нас от крупных неприятностей.

Нас – это себя и мою подругу Линк, которую я сейчас честно старалась не ругать. Хорошо. Хотя бы не материть. Вслух. Не браниться еще и мысленно в нынешних обстоятельствах для меня было недостижимой сверхспособностью.

«Магнит авантюр» подруги, обтянутый короткими красными шортами и маячивший передо мной весь тот тернистый и пыльный путь по вытяжной шахте, тоже застыл, без слов подтверждая: Ли, как и я, замерла на месте, надеясь, что пронесет и наш план побега не провалится во всех смыслах этого слова.

Внутри квадратной пыльной шахты было душно, тесно и... жирно. Да, именно так. Пыль, покрывавшая ровным слоем стены, была именно такой: не воздушно-пуховой, а маслянистой, комковатой, сдобренной парами пота разгоряченных тел. Ее-то мы и протирали. Подруга – голыми коленями, я – джинсами, дизайнерски порванными в совершенно, как выяснилось, неудобных для ползания местах.

Короб перестал опасно поскрипывать, намекая, что вот-вот развалится, и я, выдохнув, чуть слышно прошипела команду:

– Ползем...

Округлости в красном согласно зашевелились. А я стиснула зубы, чтобы не прокомментировать, как одна не сильно умная особа меня не послушала и сделала все по-своему.

По вентиляции мы медленно, но усиленно и удирали от неприятностей. Сильных таких, впечатляюще мускулистых и жаждущих продемонстрировать на практике не только все удовольствие от поцелуев, но и то, насколько приятно девушкам начинать беременность. Молодые оборотни, одним словом. Да еще и выпускники факультета ночных стражей после сдачи сессии...

На их закрытую вечеринку Линк с помощью уговоров, улыбок, угроз и шантажа раздобыла-таки приглашение. При чем вела ее в этом деле не жажда приключений, а исключительно злость. А все оттого, что она застучала своего уже экспарня в спальне со своей мачехой. И они там отнюдь не ике-

баной занимались. К слову, мачеха уже тоже была бывшей: решительность и бескомпромиссность были отличительной семейной чертой Фортсмудов. И как только отец Линк узнал об измене супруги, ее вещи тут же оказались на пороге дома.

Но подруга все равно знатно психанула. И во имя мести решила в режиме «срочно!» непременно заполучить себе нового парня, причем не абы кого, а именно двуликого. Да-да, прямо так и заявила: «Заарканю самого сильного и впечатляющего оборотня из всех, до кого смогу дотянуться, чтобы этот клыкастый все кости кобелю Грэгу переломал...»

Лично я этого самого Грега сейчас ненавидела настолько, что была близка по меньшей мере к убийству с отягчающими. Ей-богу! Лучше бы я сама его по-тихому в подворотне с папиным разводным гаечным ключом из мастерской встретила и отвендеттила за подругу по полной со всеми удобствами в вертикальном положении и без риска ежеминутно то ли застрять в шахте, то ли грохнуться и переломать себе все кости, а оборотням – еще и психику.

К слову, я этот план подруге даже озвучила, будто печенкой чуяла, во что в итоге выльется ее авантюра. Но Ли лишь фыркнула. По ее мнению, это была не такая месть. Неправильная... К тому же теоретически уголовно наказуемая. А двуликий – ему что будет? Они же стражи кантонов – высшая каста. К тому же у них защита своей пары в прерогативе. И узаконена.

А уж зная Линк, я была уверена, что она подстроит все

так, чтобы оборотень «защитил» ее от Грегa и при этом отправил того в долгое кругосветное путешествие по палатам травматологии столичной целильни.

Как итог – сейчас и ползли в лучших традициях «правильной мести», если руководствоваться логикой Ли, о чем я ей и сообщила раз этак двадцатый.

Она в ответ мне прошипела, что да, признает, что была дурой... И не учла ма-а-аленькой такой детали: клыкастые были больше, как бы это сказать, постельно ориентированными и не сильно жаждущими не то что узаконить их с девушкой развращения, но даже назвать ту своей парой.

Нет, сказать, что план Линк завести себе оборотня совсем не сработал, – значит погрешить против истины, пульсара и пентаграммы. Вот только вышло все слегка иначе, чем задумывала подруга. Двумикий, а точнее, даже двумикие, завелись – это был плюс. Минус, что завелись они сильно, активно и коллективно. К тому же при этом еще и раззадорились, возжелав избавить белокурую красотку от лишних, на их взгляд, предметов гардероба. Ну вечер же жаркий, зачем ей париться в этих шортах и топике?..

Настолько далеко заходить ради мести подруга оказалась не готова. А я – тем более. И мы решили самоликвидироваться с вечеринки. Но, как оказалось, выбраться отсюда несовершенной – та еще задачка. Ведь, как выяснилось (увы, после, а не до!), придя на вечеринку, мы тем самым дали согласие, что готовы к необременительным отношениям с дву-

ликими.

Выйти в дверь помешали ребята, которых наш решительный отказ, казалось, лишь раззадорил. Они восприняли его как своеобразный флирт.

Потому у нас сначала случился уход в дамскую комнату под предлогом «припудрить носик». Увы, надежды на окно в уборной не оправдались, зато там обнаружилась вентиляция, достаточная, чтобы протиснуться двум худым девицам, но не широкоплечим оборотням. Хотя в этом нам повезло.

Еще бы немножечко удачи, чтобы преодолеть этот тоннель.

Линк уже проползла центр зала, когда я оказалась аккурат над бойцами. Их головы были видны в зарешеченный вентиляционный люк. И именно в этот момент какой-то... паразит решил открыть бутылку с шампанским. Пробка выстрелила прямо в решетку, на которую я опиралась. И это оказалось последней каплей, подточивший инженерный гений того, кто разрабатывал местную систему вентиляции. Днище подо мной дрогнуло, решетка закрипела и в следующий миг полетела вниз. И я – верхом на ней, словно на летающей скатерти из сказки. Лишь в последний момент сообразила оттолкнуться от сомнительной опоры ногами, в результате чего мы отстыковались друг от друга. И если решетка грохнулась, врезавшись на бреющем полете в колонну, то я – аккуратно на шею одному из поединщиков.

Вот прям как рыцарь в седло. Только ноги не по бокам

гнедого жеребца свисали, а оказались на мужской, лоснящейся от пота груди. Ну точно фанатка на концерте, которая забралась на плечи своего парня, чтобы все хорошенько разглядеть.

Тело подо мной тут же спружинило, пригибаясь, и я на реффлексах схватилась за первое, что попало в руки: правой – за загривок, левой – за короткий хвост из темных волос.

От неожиданности тот, на кого я приземлилась, пропустил удар, пошатнувшись, но от второго хука успел закрыться блоком и... матом:

– Какого...? – взревел двуликий, когда я судорожно вцепилась когтями в его шею, пытаюсь удержаться. Потому как шансы сверзиться с двухметровой груди мышц, при этом свернув себе шею, были вопиюще высоки.

Толпа зрителей взревела, противник моего оборотня решил воспользоваться ситуацией и нокаутировать соперника, который с новой ношей вынужденно ушел в глухую оборону, а я... поняла, что вот теперь начались настоящие неприятности.

В нашей с Линк паре обычно она решала проблемы по мере их: «Ой! А это еще вчера надо было?!» Но сегодня, похоже, настал мой, не побоюсь этого слова, звезданутый час использовать годами отработанную подругой схему.

Задача номер один – не грохнуться на пол и выжить. И если эта почти невыполнимая миссия удастся, то задача номер два – удрать отсюда. Как – пока не знаю. Но сбежать!

Эти мысли пронеслись в моей голове, пока я клала зубами. Волосы, собранные до этого в свободный хвост, окончательно растрепались. Длинные темные пряди так и норovali прилипнуть к моему потному лицу, заслоняя весь обзор. Убрать их я не могла по той простой причине, что руки оказались слегка заняты: ими я вцепилась в шевелюру и шею двуликого.

Не сказать, чтобы оборотень был этому рад. Его и так бугрящиеся мышцы дрогнули, словно увеличившись в размерах еще больше. Хотя вроде бы куда еще-то? А потом... от меня попытались технично избавиться с пользой для дела и вредом для тела. Знамо, польза была обратная, травмы – мои.

Двуликий, на котором я галопировала, резко крутанулся на пятках, уворачиваясь от удара противника, который был рыжим, как лис, но здоровым, как матерый гриззи. Тело под мной стремительно повернулось боком к огневолосому, а потом и вовсе спиной. На которой, к слову, сидела я, причем вынужденно откинувшаяся назад и пытающаяся судорожно удержать равновесие!

Брюнетистый блохастый решил превратить меня из помехи во врагобитное орудие. Проще говоря, как своеобразной битой с разворота моей головой снести черепушку противника.

Я была с таким раскладом категорически не согласна и, сжав ноги, словно пыталась залезть на дерево, отпустила руки. Совсем.

Нет, я не была гимнасткой ни разу. Но смертельная опасность – лучший стимул сдать на кандидата в мастера спорта безо всяких тренировок. В общем, жить захочешь – возьмишь и первое место в беге, и золото со столовым серебром, и бронзовые подсвечники... В этой воровской мудрости я ныне убедилась лично.

Потому как, резко откинувшись назад, прогнулась так, что мои ноги плотным хватом сжали шею оборотня, а своей макушкой я прижалась к тому месту, где у приличных людей ноги заканчивают свое благородное название. Если проще – врезалась затылком в крепкие мужские ягодичи, и мы оказались с двуликим спина к спине в самом неклассическом понимании этих слов.

Вот только мои руки не успели ни за что схватиться или хотя бы прижаться к корпусу. Как итог – я со всего разворота полоснула рыжего аккурат над самой опушкой чуть припущенных шорт. Судя по тому, как огневолосый, уже выставивший блок от удара о его голову мной, взревел, такого коварства он не ожидал. Ну да, пара пятей – и я бы оскопила его целиком. А так – всего-то лишила завязки шорт, зацепившись за шнурок и дернув его.

Толпа вокруг азартно взревела, но никто, ни одна собака и не подумала прерывать бой! Зато среди зрителей самые ушлые активно делали ставки. Причем уже не на брюнета с рыжим, а на меня! Размажут ли свалившуюся девицу тонким слоем по рингу или просто выкинут во внешний круг

без сознания. И если вышвырнут – то в какую сторону?

Мой оборотень меж тем завершил разворот, вновь оказавшись лицом к лицу с противником. А я же, вися вниз головой, увидела люк вентиляции, из которого выпала. Сейчас из него выглядывала каким-то немыслимым образом умудрившаяся развернуться в костоломно узкой шахте Линк, бледная, как вампир. Подруга судорожно озиралась, закусив губу. Наши с ней взгляды на миг встретились.

– Дэй, держись там... я... сейчас! – завопила она, исчезнув в провале.

Кто-то сбоку, как и я, услышав Линк, задрал голову к потолку, ткнул вверх пальцем и проорал зрителям:

– О, гляди, и вторая цыпа, кажись, прыгнет.

– Главное, чтобы точно прицелилась и на конопатого присела, – ответили ему.

– Ага, пусть придавит рыжего. А то я на чернявого десятку поставил, – ударив кулаком о ладонь, припечатал еще кто-то.

Я уже хотела закричать подруге в духе: не смей! А то она могла, как истинная светлая голова, в смысле блондинка по велению души, а не только по масти шевелюры, презрев всякую опасность, прийти мне на выручку, не думая о последствиях.

Вот только едва я набрала воздуха в легкие для того, чтобы завопить, как его из меня тут же выбили. Очередным резким поворотом. Но на этот раз я все же умудрилась не размахивать руками, а вцепиться в то, что первым попало. Увы,

это оказались шорты. Причем, судя по тому, как вздрогнула поясница, к которой я прижималась лопатками, нога принадлежала «моему» оборотню.

А затем уже я ощутила себя как на дыбе, когда спина подомной выгнулась коромыслом. Я не видела, что происходило между поединщиками, но, похоже, темный перешел от обороны к атаке.

И тут произошло сразу несколько событий: резкий стремительный удар, от которого мою голову мотнуло так, что она едва не слетела с плеч, слитный выдох потрясенной толпы и глухой звук упавшего тела. А затем крик:

– Победа Стэйна!

Он разрезал ножом обрушившуюся на ринг за несколько секунд до этого тишину. А затем по залу покатила лавина многоголосицы из радостных возгласов и воплей брани болельщиков.

И все были настолько поглощены этим, что не заметили, как в шахте вновь появилась Линк и, держа в каждой руке по своей красной босоножке с каблуком запредельной высоты... метким броском первой туфли сбила прикрепленный к потолку защитный сигнальный артефакт, отвечавший за пожарную безопасность.

С потолка ливанула вода вперемешку с пеной. Не сказать, чтобы это охладило пыл толпы, но зато помогло ее отвлечь и навести суматоху.

Линк обрадовалась, чуть качнулась вперед и... едва не вы-

пала из люка, успев в последний момент ухватиться за край. Зато ее рука разжалась, и вторая босоножка полетела вниз, угодив туда же, куда и я, — на темноволосую макушку с коротким хвостиком. И я почувствовала, как моя вертикальная опора от повторного за вечер удара судьбы свыше начала крениться...

Оборотень все же упал. Благо не на спину, а лицом вперед. И я оказалась не придавленной грудой мышц, а всего лишь отбившей колени. Ну и чувствовала себя как та знаменитая пышка-танцовщица на шесте, которая однажды, выполняя пируэт, погнула гвоздь программы. Ну, правда, я не совсем погнула, а скорее придушила...

Я шустро слезла с двуликого, тело которого покрывали синяки и ссадины (две — на шее и плече — мои!), и, машинально схватив за каблук босоножку, воспользовалась пенной завесой и ввинтилась в толпу.

Линк, судя по тому, что я смогла различить гул из воздуховода, тоже удирала на четвереньках по шахте.

Ринувшаяся прочь из зала толпа внесла меня на улицу. Пена покрывала лица и отчасти даже фигуры, ее резкий химический запах наверняка перебивал ароматы тела. Да и не до сомнительных девиц оборотням сейчас было.

Зато я, заведя дыру в живой изгороди, нырнула прямо в нее. На ночную улицу, к припаркованному Линк чаромобилю, я вышла в лучших традициях гриззи после зимней спячки: в колтунах, облепленная листвой, с ветками в волосах и

желанием убивать.

Линк появилась спустя пару минут. Она ковыляла ко мне пыльная, грязная, со сбитыми коленями. Дойдя до машины, она оперлась о капот и мученически простонала:

– Дэйна Драккарти, поклянись мне, что, если еще раз я решу, что мне нужен парень-оборотень, ты дашь мне как следует по голове.

– Да я и сейчас могу стукнуть. Превентивно, – отозвалась я, понимая, что вся злость на подругу детства куда-то улетучивается. Линк всегда была такой: порывистой, искренней, открытой. А то, что она чаще сначала действовала, потому думала... Ну должен же быть у почти идеальной мисс Фортсмуд хоть один недостаток? И вместо отповеди я лишь протянула ей босоножку: – Держи, я твою обувь нашла!

– Лучше бы мои мозги. Я их точно тоже где-то посеяла, раз во все это вляпалась, еще и тебя втянула... – беря обувь, сокрушенно простонала Линк, видимо до конца осознав, что я едва не угодила сегодня на койку в целильне.

– Не переживай, не потеряла. Твой разум просто от тебя иногда скрывается, как подпольный миллионер от вездесущей налоговой.

Я пожала плечами, разведя при этом руки в стороны.

– Дэй! – тут же возмутилась подруга. – Нет чтобы сказать что-то вроде: «Линк, ты умница, не наговаривай на себя», ободрить...

– Мы живы и лишь слегка вредимы, – иронично отозва-

лась я. — Сойдет для поддержки духа?

Подруга критически посмотрела на меня в пене и грязи, потом на свои босые ноги и, нацепив одну босоножку и выдохнув, ответила:

— Вполне. — Раздавшийся со стороны дома, из которого мы удрали, шум заставил нас вскинуться. Линк бодро заковыляла, припадая на босую ногу, к водительскому месту, на ходу произнеся: — Садись в машину, довезу до дома.

Дважды просить меня не пришлось. И, уже пристегиваясь ремнем безопасности, я подумала: «Надеюсь, что никогда больше не встречу этого темноволосого оборотня, чьего лица я так и не увидела». И из всего его облика запомнила только темную макушку и в чем этот двуликий был раздет. Потому как разглядеть даже шорты, вися вниз головой на мужской шее, мне не удалось.

Хотелось верить, что и я для этого двуликого осталась лишь смутным пятном в его биографии. Именно так, в надеждах и молчании, я и Линк доехали до моего дома.

Чаромобиль, или чабиль, как его еще называли для краткости, притормозил аккурат напротив крыльца, ступени которого были озарены тусклым светом, лившимся из окна гаража, который располагался рядом с домом. Похоже, папа опять в ремонтной полуночничает. Или забыл выключить свет в мастерской?

Хлопок, от которого беззвучно дрогнули стекла, подсказал: все же отец там. Наверняка разбирает очередной мо-

тор гоночного кара, воюя с элементом, засевшим в клапанах. Благодарить за бесшумность стоило амулеты. Если бы не они, то, подозреваю, соседи уже нас сожгли бы на костре, не дожидаясь приезда отряда правопорядка.

Заречная часть города, где я жила, с каждым годом смотрелась все более контрастно на фоне многоэтажек из стекла и бетона. И район, именуемый Йонтрон, где мы с отцом жили, давно бы уже снесли, но здания, выдержавшие землетрясение, случившееся две сотни лет назад, оказались стойки не только к катаклизмам, но и к алчности нынешних застройщиков.

А все потому, что здесь некогда успели пожить (каждый – в свое время) выдающиеся деятели магии и искусства, внесшие немалый вклад в культурное и чародейское наследие не только нашей страны, но и мира в целом. И на улочках Йонтрона дома, через один, оказались под защитой исторического фонда.

Приказом мэра столицы было решено маленький район не трогать и оставить как есть. Так что... рядом с нами высотные дома росли все выше, их огни светили все ярче, и бетонные коробки уже почти вплотную подбирались к частному сектору, на улицах которого сейчас всюду цвели каштаны. Их белые остроконечные свечи-соцветия без слов говорили: наступило лето... Время, когда все люди и нелюди делятся на две категории. Тех, у кого каникулы или отпуск, и тех, кто ненавидит тех, у кого этот самый отдых.

К слову, от последнего меня отделяла лишь практика. Су-
щая малость, если повезет с завтрашним распределением. Да
даже если и не повезет... грязной работы я не боялась. И
пусть дара артефактора во мне была всего капля, но к ней я
прибавляла все девяносто девять капель пота и добивалась
результатов там, где более одаренные чародеи пасовали.

К тому же я, как и папа, была прикладным механиком, а не
теоретиком. И руки в машинном масле пачкала регулярно. А
детство мое и вовсе прошло по большому счету в ремонтных
ангарах, где вместо погремушки у меня была мультифазная
отвертка, а пчелок и паучков я изучала не по картинкам, а
по татуировкам на плечах рабочих.

Но потом наколки мне надоели, а вот мир элементарей
и моторов, в которых первородные силы были заключены с
помощью магии, заинтересовал...

Настолько, что сейчас я училась на четвертом курсе по
специальности магическая механика.

– Кажется, твой отец еще не ложился спать, – прервала
мои размышления подруга и кивком указала на гаражное ок-
но.

– Скажу больше, он сегодня утром и не вставал, – я вы-
дохнула, вспомнив гору из грязных чашек кофе, которую,
проснувшись, обнаружила в раковине. – Он, когда работает,
ничего и никого вокруг не замечает. Ни часов, ни людей, ни
даже взрывов.

– Завидую тебе, – печально отозвалась Линк. – Спокойно

можешь зайти в дом в любом часу, и тебя не будут отчитывать, как школьницу.

Да, мистер Фортсмуд, отец Ли, был по национальности прапорщиком. И хотя в армии не служил ни дня, а всю жизнь проработал начальником налогового отдела, но изъяснялся он сухим, как пески в Гонийской пустыне, языком, будто цитировал устав, поэтому я, слушая его, чувствовала себя как-тусом. Иногда мне казалось, что не иначе как судьба послала ему в дочери именно легкомысленную Линк. Не в наказание, а исключительно для противовеса. Чтобы человек, который довел отчетность в своем отделе до идеального состояния, а подчиненных – до нервного срыва, не зачерствел окончательно. Ну и не заскучал тоже. Вот и сегодня, чувствую, их обоих: и его, и Ли – ждет веселая ночь, полная увеселен... тьфу, нравоучений.

– Сочувствую, – печально отозвалась я и предложила: – Можешь позвонить и сказать, что осталась у меня ночевать...

– Нет уж! – решительно произнесла подруга. – Лучше выслушать все сейчас, пока папа хоть и злой, но зато сонный. С утра же он будет бодр, полон сил и нерастраченной ярости... И вся его кипучая энергия уйдет на меня. Нет уж, спасибо!

– Тогда желаю, чтобы все побыстрее закончилось.

И я вышла из машины.

Чабиль заурчал мотором, уезжая. А я направилась к крыльцу. Повернула ключ в замке, открыла дверь. Прихожая

встретила меня нерасплесканным густым мраком. Я сняла обувь и не успела сделать первый шаг, как тихо взвыла и в очередной раз уверилась: основная роль мизинца в человеческом организме – это убедиться, что все углы в доме при выключении света остаются на своих местах, а не разбегаются в разные стороны.

Заскакала на одной ноге, держа ушибленную на весу, натолкнулась на какую-то здоровенную коробку и, потеряв равновесие, упала.

Грохот вышел знатный. И я, лежа на полу и глядя в темноту потолка... засмеялась над собственной избирательной безучестью. Надо же: умудрилась сегодня со всеми этими оборотнями-поединками остаться целой, но стоило зайти в милый безопасный дом, как тут же, почти у порога, навернулась по полной.

Я хохотала и не могла остановиться. Ведь сдержать можно все: слезы, боль, отчаяние, ярость... Но, паразитство, смех, как и зевоту, невозможно сдержать ни при каких обстоятельствах!

Такой меня и застал папа. Он вернулся из гаража и щелкнул выключателем, узрев меня на полу рядом не с коробкой, как я подумала, а с аккумулятором от тягача.

– Дэй... Как ты? Не сильно ушиблась? – засыпал он меня вопросами, помогая подняться. Зато в сложившейся ситуации мой помятый вид оказался весьма органичен.

Убедившись, что со мной все в относительном порядке,

отец уже хотел было вернуться в ремонтную, но был остановлен вопросом:

– Пап, ты сегодня хотя бы завтракал?

И, увидев, как серьезно он задумался, поняла: нет. Совсем нет. И, не дожидаясь ответа, укоризненно добавила:

– Тогда пошли ужинать.

Порой мне казалось, что я не дочь выдающегося механика-инженера, мага пятого круга, Оливера Драккарти, а его сестра. Причем старшая. Потому как папа порой забывал о таких вот бытовых мелочах. Но зато отлично помнил все расчетные формулы, коэффициенты магического сопротивления, плотности, энергетический заряд чар разных стихий... Он жил своей работой, любил ее безмерно. И меня тоже. Причем меня – больше. И за эту его любовь я готова была простить папе все его недостатки.

– На ночь глядя есть нельзя. – Отец попытался под благовидным предлогом вернуться в ремонтную.

– Тогда мы будем есть не глядя. – Я не дала сбить себя с пути истинного обогащения калориям, или попросту насыщения.

Вот только пока я готовила пасту, папа, проявив несвойственную ему бдительность, поинтересовался:

– А где ты была, дочка? – произнеси он это другим, подозрительным, особым «нотационно-родительским» тоном, который практикуют в других семьях, и я бы замерла, насто-рожившись, замкнулась. Но в его голосе было лишь друже-

ское любопытство. Без осуждения. Как всегда.

Ну и я, как всегда, и рассказала все, без утайки.

Отец хмурился, но не осуждал. Лишь под конец сказал:

– Понял, если спросят, где ты была сегодня ночью, отвечу, что мы вместе смотрели фильм. До... – Он глянул на часы и закончил: – ...трех утра.

– Пап, ты чудо. – И я обняла его.

Да, у меня не было мамы. Она оставила нас с отцом, когда мне исполнился месяц. И я даже не знала, кем она была. Версии отца могли меняться по несколько раз на дню: от отважной полярницы до дочери банкира. Но имя папа никогда не называл. Хотя лично я подозревала, что родившая меня была просто брачной аферисткой.

И пусть с матерью мне не повезло, зато папа с лихвой заменил мне и ее, и всех дядей-тетей, вместе взятых.

– Знаешь, – призналась я отцу, – больше никаких тусовок.

– Совсем? – Папа иронично изогнул бровь, видимо вспомнив себя в моем возрасте.

– Ну... разве что таких, где я бы просто лежала, ничего не делала, а все вокруг только хвалили бы меня за это... – описала я для себя идеальный вариант вечеринки.

– Дочка, боюсь тебя огорчить, но такая тусовка называется похороны, – усмехнулся отец, с невозмутимым видом запихнув тарелки в раковину. Хотя до этого мне казалось: в мойку больше не влезет даже трубочка от коктейля.

– Кстати, о вечном. – Я ничуть не смутилась. – Вечно ты

невыспавшийся. Дай своему организму хоть раз удивиться – ляг в постель не с рассветом. И вообще, отдохни как следует!

Папа скептически посмотрел за окно, где занималась заря. Но спать мы все же пошли. И я даже помню, как завела будильник на семь утра, чтобы не проспять. Скажу больше, он даже звонил, но если папиной суперспособностью было впихнуть невпихуемое, то моей – не услышать звука, перебудившего, наверное, полквартиры. В общем, утро прошло под девизом: пунктуальность – мое второе ять... ять... ять... опять ничего не успеваю!

И это было только первой, самой малой неприятностью начавшегося дня.

Осознание того, что я опаздываю в академию, взбодрило лучше чашки крепкого, только что вскипевшего кофе, причем такого, который не пьют, а обычно проливают на ногу.

Я буквально прыгнула в любимые джинсы, натянула легкий безразмерный свитер, попробовала еще провести расческой по волосам и взвыла. Шевелюра оказалась крепка, как бетонная стена, и так же монолитна. А все потому, что после вчерашних приключений я, сонная, помыла голову и легла спать с мокрыми волосами, потому как еще и сушить их сил не было. И вот утром меня настигла кара...

Еще никогда выражение «обломать зубы» не было столь наглядным: расческа после попытки причесаться напоминала улыбку первоклашки и была на редкость дырявой.

Плюнула, выдернула из колтунов пластиковые обломыши

и, скрутив темные густые волосы в гульку, со второй попытки запихнула их под бейсболку.

Перекинула через плечо лямку рюкзака, впрыгнула в кроссовки и уже была готова рвануть к двери, когда едва не столкнулась с зевающим папой, выходящим из кухни.

– Удачного дня! – полетело мне вслед напутствие, когда я выскочила из дверей дома.

А дальше была остановка, к которой я неслась сломя голову, наперегонки с вагончиком, что спешил по рельсам, оглашая улицу своей звонкой трелью и утробно стуча поршнями, которые толкали элементали в недрах его мотора. И хотя согласно всем законам физики, анатомии, магии и здравого смысла я не могла его догнать, но все же каким-то чудом в последний момент успела вскочить на последнюю ступеньку. Створки за моей спиной со скрежетом закрылись, и я очутилась в тесном пространстве, полном чувств. Ну правда, так страстно прижиматься, дышать прямо в лицо непередаваемым ароматом духов и перегара – на это способны лишь люди и нелюди, которые друг к другу явно небезразличны и что-то испытывают. А любовь, неприязнь или просто раздражение – ну какая, к демонову барьеру, разница?

Вот так мы и ехали несколько остановок подряд, считая, что самые страшные существа в вагончике – это соседи. Ну еще, может быть, кондуктор, курсировавший по салону и распахивавший локтями пюре из пассажиров. Но тут на одной из остановок в вагон, который был не иначе как резино-

вым, непостижимым образом влезли сразу два класса, спешивших на экскурсию. И тут же стало понятно: до этого момента все происходившее было лишь прелюдией апокалипсиса, а вот сейчас всем дружно наступит полный шумного детского энтузиазма армагеддец!

Из этой толчеи я выбралась чудом. И даже на нужной мне остановке. Причем сразу вся, не потеряв ни кроссовок, ни рюкзака, ни кепки, ни своего здравого смысла и души.

Едва оказалась на мостовой, продолжила свой забег к стенам альма-матер. Пронеслась мимо парковки, где в меня чуть на полном ходу не врезался бронированный чабиль с эмблемой законников. Разминулась с ним в какой-то паре футов. А клаксон и понимание, что будет, если водитель решит меня догнать, придали дополнительного вдохновения моему занятию убегательным видом спорта.

Мысль, что здесь забыли двуединые, царапнула, но мне было сейчас не до хвостатых. Сейчас гораздо важнее – не опоздать на распределение.

Вот такая взмыленная я и примчалась, едва дыша, к дверям кафедры, где уже собрались студенты. Лица у однокурсников были мрачные, из категории «похмельно трезв, хоть и не пил ни капли». И это настораживало. Потому как практика – это вам не молниеносно громыхнувшие экзамены весенней сессии, которые, к слову, были уже давно и прочно прокляты (всей нашей группой) и пропиты (мужской, то есть почти всей частью оной). Сегодня знаний не потребуют.

– Чего это вы? – выплёвывая воздух пополам с легкими, спросила я, пытаюсь отдышаться.

– Катафалк в комиссии, – сказал, как в пентаграмму к демону закинул, обычно шалопаистый Эйкай.

И это при том что сокурсник не терял оптимизма, даже когда перед его носом ректор размахивал армейскими сапогами. Да не просто тряс, а грозил при этом написать рыжему столь хорошую характеристику, чтобы этого талантливо-го разгильдяя-мага тут же с руками оторвали стражи барьера. И лет на пять упекл... пригласили послужить на благо кантонов – южных приграничных областей нашей страны, после которых начинались пустоши, населенные демоническими тварями.

А тут Эй был серьезен, мрачен и собран. А после его слов и я сглотнула.

– А он что тут делает? Должна же быть... – непонимающе спросила я.

– Заболела она. Слегла, – пояснил Мэт, почесывая голову, волосы на которой были сбриты от кончиков ушей и ниже. Отсутствие шевелюры у парня заменяла густая вязь татуировок, уходивших с шеи на спину и прятавшихся за воротник.

Леди Миртвуд – строгая, но внимательная дама того возраста, когда женщина уже всегда права, но еще не деспотична, – была нашим куратором. Она даже любила нас. По-своему. И на распределении, когда наши личные дела будут рассматривать через лупу, дабы отделить достойнейших сре-

ди бластных, а последних – от всех прочих, решающее слово должно было остаться именно за ней, нашим куратором.

И несмотря на ее педантичный и придирчивый характер, мы знали: она будет абсолютно беспристрастна и справедлива. А вот Катафалк... точнее, преподаватель по магической механике – это крышка. Причем для нашей группы сегодня – коллективная. Потому как любимым занятием профессора Ульриха фон Грейта была ненависть. И он отдавался ему всей душой.

Магистр, мягко говоря, не любил студентов, считая всех и каждого тупицами. Зато обожал власть. А поскольку до руководящих должностей его, слава святым шестеренкам, не допускали, то он повелевал адептскими умами. Хотя, чего не отнимешь, Грейт являлся талантливым и сильным магом, одним из лучших в стране в области артефактной механики.

В общем, он был одновременно и редкостным специалистом в своем предмете, и гадом. В последнем я убедилась лично. Причем дважды. На зачете и на экзамене. Оба раза, выходя из кабинета, я слышала его крик: «Низший балл! На пересдачу!» И это при том что я все прекрасно знала... Просто больше всех остальных людей и нелюдей Катафалк ненавидел женщин. Считал, что наш мозг просто не способен вместить гений инженерной артефакторики. А еще мы могли внезапно родить, выскочить замуж или иным способом отвлечься от специальности... И получится, что Грейт потратил свой преподавательский труд впустую. А профес-

сор зазря даже не моргал. Поэтому предпочитал минимизировать убытки заранее.

Именно благодаря его стараниям в группе из семи поступивших девушек осталось всего две. Я, оба раза сдававшая его предмет при комиссии из нескольких преподавателей, и дочь главы министра финансов. Ей профессор в зачетке вывел с первого раза «удовлетворительно». Вот только не знаю, при этом что больше скрипело: ручка о бумагу или его зубы.

Дверь аудитории открылась, выпуская бледного Орта, который шагнул вперед, не глядя шоркая подметками по паркету. Однокурсники накинулись на него, как стервятники на свежий труп. К слову, вышедший не сильно от мертвяка своим видом и отличался.

– Ну? Как? – понеслось со всех сторон в разных вариациях.

– Стомбриджская мастерская. Артефакторика разрывных механизмов, – почти беззвучно просипел адепт, ослабив узел галстука, словно тот являлся висельной петлей, едва его не удавившей. К слову, Орт был из семьи потомственных магов-оружейников.

– Ну ясно, папенька поспособствовал, – донеслось откуда-то сзади.

И в ответ на эти слова у Орта сначала заалели кончики ушей, а потом он весь вмиг из белого как мел превратился в перезрелый, готовый вот-вот лопнуть и заодно забрызгать вокруг алым соком злого отчаяния помидор.

– Наплюй на него. – Я хлопнула Орта по плечу. – Тебе и без фамилии отца прямая дорога в оружейники. Северную же башню, кроме тебя, больше никто разворотить не смог.

Он понимающе улыбнулся: то его экспериментальное заклятие и правда оказалось уж очень забористым. Даже безопасники им заинтересовались. Так что это распределение было целиком заслугой самого Орта, а не его фамилии.

Парень усмехнулся и со словами: «Жду тебя в “Глотке храбрости”» – растворился в толпе.

Следующим, приложив дверью о косяк, а всех остальных – матерком, явил себя одnogруппникам стоеросина Стронс.

– Демонов погодник! – взревел он, не дожидаясь вопросов. – Меня! Почти отличника – и вшивые амулеты для дождя настраивать.

М-да... Наш хорошист, активист, немного стукач и староста негодовал на весь коридор. Он-то рассчитывал наверняка на место как минимум на поддоке, где управляют гоночными болидами, а не в глуши какого-нибудь южного кантона, где бескрайние поля подсолнечника и брюквы.

Третий, появившийся из дверей, Малыш – так звали в группе детину Лока, в прошлом мага-боевика, отслужившего пять лет у границы барьера и потерявшего там ногу, – широко и счастливо улыбнулся:

– Бытовик, – и с этими словами сгреб меня, стоявшую рядом с входом, в охапку и закружил.

Причем стиснул так крепко, что я даже пискнуть не смог-

ла. Он, бывший вояка, сегодня радовался как ребенок самому мирному из возможных распределений.

– Буду в «Глотке храбрости» с ребятами. Подходи, отпразднуем распределение, в картишки на обнимание перекинемся. – И хулигански, чисто по-дружески подмигнул.

Так, похоже, что мои приятели, пока я усердно опаздывала, перед дверями кафедры успели кое о чем договориться...

Но я даже не начала как следует обдумывать эту мысль, как двери вновь распахнулись и из недр кафедры прозвучало:

– Следующий!

– Иди, мелкая, не бойся. – И Лок дружески подтолкнул к порогу, напутствовав: – Там Катафалк, конечно, звереет, но и нормальные маги тоже есть.

Кто эти загадочные «нормальные», я узнала спустя несколько секунд, когда стояла по центру зала перед столом, по ту сторону которого собралась комиссия. Главенствовал ректор. А справа от него, приосанившись, гордо восседал Катафалк. Слева – декан нашего факультета артефакторов, магистр Хрумс.

– Назовитесь, – проскрипел не хуже, чем несмазанные двери лифта, старичок-секретарь.

– Драккарти, – от волнения мой голос вышел на пару октав выше, отчего вздрогнули все присутствующие. А я почувствовала, как одиноко прозвучала фамилия, и добавила: – Дэйна Драккарти. Вторая группа! Артефакторский факуль-

тет!! Четвертый курс!!! – мой голос набирал не только уверенность, но и громкость.

А Катафалк все больше морщился, словно я не говорила, а гвозди забивала. Причем в его личный гроб.

Секретарь на удивление по-юношески шустро зашелестел бумагами, отыскал среди личных дел папку, подписанную моим именем, и подал ректору.

Председатель комиссии посмотрел на подношение. Потом на меня. Еще раз на жиденькую папочку и наконец ее открыл. Потянулись томительные минуты молчаливого ожидания, во время которых меня раз двадцать сличили с написанным на листах. Как будто сомневались: а это точно она? В смысле я. В очередной раз, когда на моей скромной персоне в кепке задержался долгий, препарирующий взгляд, я не выдержала и ляпнула:

– Здравствуйте.

– И вам не хворать, – отозвался ректор и менторским тоном добавил: – И о каких своих талантах вы нам поведаете, госпожа Драккарти?

А я посмотрела на преподавателя по механике и поняла: что бы я сейчас ни произнесла, это будет вывернуто назизнанку, исковеркано и использовано против меня Катафалком, на губах которого уже играла предвкушающая улыбка. И я уже набрала побольше воздуха в грудь, чтобы выдать какую-нибудь до оскомины очевидную банальщину, с которой мой верный враг поспорить бы не смог, в духе «я девушка, а

не юноша», как была перебита на первом звуке. И кем! Деканом Хрумсом.

Он вдохновенно начал вещать, какая я умница и слегка чокнутая молодец. И что статья по мотивам моей курсовой, посвященной смазочным плетениям, удостоилась публикации в научном магическом вестнике рядышком с трудами архимагов. А я сама заняла почетное первое место (угу, среди двух участников!) в конкурсе артефакторов-конструкторов. К слову, в оный меня загнал... записала куратор лишь по той простой причине, что сие мероприятие было организовано в срочном порядке для имитации бурной внеучебной деятельности факультета перед нагрянувшей проверяющей комиссией. Призом являлось исключительное «спасибо». А опытные образцы для конкурса предлагалось тестировать в такой глухомани, о которой даже демоны имеют ну очень смутное представление. В общем, участвовать в этом балагане никто по доброй воле не хотел. Вот и пришлось нам с Отром отдуваться.

Меж тем декан, словно я лично дала ему взятку в особо крупном размере или пригрозила в темной подворотне монтировкой (а может, и то и другое сразу), пошел на новый виток. Он пел оду мне – умнице, участвовавшей в государственном гранте и награнтившей там аж на стипендию мэра. А как я талантливо играла в студенческом спектакле труп... И мои искрометные эпитаф... то есть эпиграммы... Декан едва по памяти не зачитал одну из них, но вовремя опом-

нился и продолжил мое восхваление, но уже без цитирования оригинальных версий, упирая больше на учебу. Дескать, в моей зачетке только две сомнительные записи профессора Катаф... в смысле Ульриха фон Грейта. И то те пересдачи были на отлично!

– Господин Хрумс, спасибо, мы поняли, что перед нами выдающаяся адептка, – оборвал моего нечаянного заступника ректор.

Выдающаяся адептка в моем лице потупилась. Катафалк отчетливо заскрипел зубами, а потом, словно что-то вспомнив, просиял.

В наступившей тишине раздался его голос, в котором мне почудилось ехидство:

– Думаю, именно такая выдающаяся адептка подходит для запроса, который нам отправили в этом году законники. Им как раз нужен артефактор-эксперт...

Мысленно взвыла. За что?! Я не смогу пройти там стажировку. Просто НЕ СМОГУ!

Это же оборотни! Сильные мира сего. Закон и порядок. Защита для слабых. А люди были слабее двуликих. Большинство мужчин – так точно. А уж женщин – тем более. И в чем единственном человеческие девушки хороши, по мнению двуипостасных, так это... как бы поприличнее выразиться... в нечленораздельных беседах на горизонтальной плоскости, заканчивающихся увеличением разнообразия генофонда. Вчерашний вечер, когда пришлось удирать от люб-

веобильных хвостатых по воздуховоду, стал наглядным подтверждением этой истине.

Поэтому сомнений не было: оборотни в оперативном отряде меня, мягко говоря, не воспримут всерьез. И это помимо того, что для работы экспертом нужен опыт. И не только магической практики. Но и оперативной. Громила Лок гораздо лучше подошел бы для работы в боевом отряде двуликих. И по дару, и по... кхм, габаритам. Но не я, пигалица.

В ушах зазвенел голос Катафалка и его коронное: «На пересдачу!..» Вот только это не экзамен или зачет, который можно сдать комиссии.

Непройденная практика – это автоматом отчисление. И второго шанса поступить на бесплатное отделение у меня уже не будет. И мало того – придется вернуть все деньги, которые государство потратило на мое обучение. Ведь причиной, по которой я не доучилась, будет не болезнь, катаклизм или иные не зависящие от меня обстоятельства, прописанные в учебном договоре. Нет. Моя неуспеваемость.

И вообще, какого демона безопасности берут к себе на практику? Хвостатые раньше никогда не присылали заявок...

Тысяча и один вопрос пронеслись в моей голове в этот миг. Но сказала я совершенно другое:

– Боюсь, что мой уровень...

– Уровень дара для мага вторичен, – перебив меня, возразил Катафалк. – Главное – как им пользоваться. А вы у нас,

милочка, особо ценный интеллектуальный кадр...

Этой сомнительной похвалой Катафалка я и подавилась, закашлявшись. А ректор, которому меня рекомендовал один из лучших специалистов магической механики, отчеканил:

– Драккарти – распределение: служба безопасности. Артефактор-эксперт.

И его слова тут же записал секретарь. Зачарованным пером. В приказ. А приказы, увы, не обсуждаются не только на войне, но и в рамках учебного устава.

Это уже позже я узнала, что законники сделали запрос вынужденно: из-за недавнего прорыва барьера больше половины артефакторов, кто был в звании, срочно мобилизовали. Их отправили на границу для восстановления сети защитных артефактов после прорыва, о котором в столице не слышали, потому как в новостях о нем и не упоминали.

Но преступности в столице после прорыва не убавилось, и экспертов катастрофически не хватало. Вот только обычно на эту должность шли не просто маги с сильным даром. А опытные, матерые, с большим опытом работы с разными, совершенно разными артефактами.

А пока же мне вручили конверт с адресом, куда нужно прибыть, и направлением, в которое вписано мое имя. А еще к окончательной и беспробудной «радости» я узнала, что, в отличие от остальных, моя практика начинается уже сегодня. И в полдень я должна уже быть как штык в участке.

Все это я слушала, глядя на улыбающегося Катафалка, и

думала, что стоит подналечь на боевые заклинания и проклятья.

Глава 2

Выйдя из дверей, я поняла, что спонсором сегодняшнего дня являлась невозмутимость. Невозмутимость – не моя, вот я и бесилась. От души. Рука непроизвольно смяла конверт.

– Ну? Чего? Как? – за порогом на меня накинудись одиогруппники.

Я промолчала, решив, что заговорю тогда, когда мои мысли станут хотя бы немного цензурными, этичными и политкорректными. И лишь выйдя из академии, выдохнула. Достала из кармана амулет связи и, выбив на нем большим пальцем замысловатую дробь, позвонила Локу, чтобы предупредить: в «Глоток» я сегодня не приду.

И лишь когда закончила разговор и отняла от уха переговорник, вспомнила о конверте, который все еще держала в другой руке. Убрав артефакт, вскрыла печать и, вчитавшись в строки, поняла: если не хочу опоздать еще и на самую практику, то задерживаться не стоит.

Квартал источников, где располагалось центральное отделение законников, находился хоть и недалеко от района Груши, в котором я сейчас была, но медлить все же не стоило. К слову, «Груша» получила свое название не из-за аллей одиоимённых деревьев, которые тут могли бы расти, а исключительно за свою вытянутую вдоль набережной форму, чуть расширяющуюся к устью залива, с которого сейчас дул све-

жий ветер.

Ему навстречу я и повернулась. Злая, голодная и решительная. Но голодная – больше всего. И тут вспомнила, что в кошельке у меня осталась пара центов. Стипендия обещала быть на днях. А деньги, которые я получала, помогая в ремонтной мастерской чабилей «Спич и партнеры», тут же кончились, стоило мне отложить подработку из-за экзаменов. И я осталась на мели.

Есть хотелось. Еще, как назло, горячие хот-доги, которые продавали прямо на улице, так и манили своим ароматом. Но я лишь мужественно сглотнула слюну и решила, что раз нет денег, то стоит хорошенько подумать. Ведь идеи, как известно, кормят. Поэтому пусть сегодня меня питают размышления. Например, как пройти эту демонову практику.

И я даже попыталась найти позитив в сложившейся ситуации: не на границу барьера, за которым беснуются демонические твари, меня же отправили, в самом-то деле. Всего лишь какие-то оборотни. Много здоровенных оборотней. Сильных. Матерых. Хищников.

Ветер дул в лицо, но я лишь ниже надвинула козырек бейсболки. Как там говорят двуликие: блохи наши дела? Плевать, прорвусь!

Впрочем, моя решимость слегка поугасла, когда я добралась до здания из красного кирпича, располагавшегося в самом центре города. «Центральное отделение правопорядка Нэйлы» – информировала вывеска над входом.

Предъявив на входе направление на стажировку, я была бдительно осмотрена и отчасти даже обнюхана оборотнем в форме. А потом мне выписали временный пропуск и сообщили, в каком кабинете я могу найти свое временное начальство – Гаррина Торкра, начальника отдела безопасности.

В дверь, на латунной табличке которой было выгравировано это имя, я и постучалась спустя пять минут и, услышав «Войдите!» – толкнула створку.

– Здравствуйте, – произнесла я, как с обрыва сиганула. – Меня зовут Дэйна Драккарти, и я прибыла для прохождения практики по распределению из магистерии-и-и...

Последние звуки я договаривала, глядя в начавшее звереть начальство. Натуральным образом звереть. Верхняя губа внушительного, заматеревшего офицера приподнялась, обнажая сахарно-белые клыки, черты лица заострились, и на скулах даже проступила шерсть. Еще немного – и оборотень точно перекусил бы дымившую сигару, которую до этого курил. Но быстро совладал со вспышкой гнева.

И по этой его реакции я поняла: характерами с начальством мы сойдемся. Причем врукопашную. Я с прищуром, оценивающе прошлась по внушительной, состоявшей, казалось, целиком из накачанных мышц фигуре оборотня, словно прикидывая, какое оружие в этой словесной битве выбрать: колкости и сарказм или надо пока ограничиться предупредительным пуском слезоточивого газа. Потому как зачет мне нужен был до смерти. Желательно – не своей. И я

приготовилась за него сражаться.

— Они там совсем ополоумели, что ли? — рыкнул он то ли на меня, то ли на всю вселенную разом и тряхнул русой шевелюрой, в которую уже успела забраться седина. — Я же просил ОПЫТНОГО эксперта, а не сопливое недоразумение...

— Я понимаю, что хотели вы опытного, а случилась я, — с этими словами положила перед сидевшим за столом оборотнем направление, — но если вы напишете отказ, то наверняка пришлют кого-то другого из выпускников.

На меня посмотрели так выразительно, что сразу стало понятно: этот оборотень из породы тех вспыльчивых мудрецов, которые воспринимают глупость подчиненных как неизбежное бытовое зло. Такое, которое нельзя искоренить, а можно лишь возглавить. И я, глядя на двуликого, лоб которого процертили несколько морщин, могла поспорить: спроси офицера, что он думает о своих служащих, Торкр наверняка ответит, что думает не о, а за них.

— Ты сама-то веришь в то, что только что сказала? — скептически уточнил он, переходя на «ты».

— В то, что вы напишете, или в то, что пришлют? — вопросом на вопрос ответила я, изогнув бровь. Панибратски отвечать своему пока что слегка теоретическому начальству у меня язык не поворачивался.

— Пришлют... — он выдохнул это слово с клубами крепкого табачного дыма и добавил: — Скорее уж пошлют. И куда подальше, раз сейчас направили сюда такое недоразуме-

ние, как ты. Хотя формулировка была четче некуда. Я просил ЛУЧШЕГО... И если посчитали, что ты – оно самое и есть, то, подозреваю, второй вариант будет еще хуже... Нет уж. Да и с этими заменами проволочек столько... А у меня дела раскрывать надо. – Он ткнул на внушительную стопку отчетов. – И с каждым днем их все больше! Так что работы в отделении, как половину артефакторов мобилизовали, столько, что напрактикуешься выше крыши... Лучшая выпускница академии, – последние слова он произнес, как приговор вынес.

А затем решительно потянулся к переговорному артефакту и, несколько раз стукнув по нему пальцем, приказал:

– Элиния, милая, вызови ко мне в кабинет Рида.

Женский голос из динамика мышкой пискнул: «Сейчас сделаю», – и отключился.

– Ну а пока мы ждем твоего няньк... кхм, – мое начальство, уже не теоретическое, а похоже, что вполне реальное, на миг задумалось, будто подбирая слово, – куратора практики, расскажи-ка мне, – двуликий глянул на измятый лист направления, видимо, затем, чтобы прочесть имя, и тоном «ну раз послали к демонам, то добро пожаловать» добавил: – Дэй, расскажи-ка мне, что ты за человек. Желательно для краткости – одним словом.

То, что мою расу он определил точно, не удивляло. Потому как двуликие, которых до оборота от людей и не отличишь, магией не владели в принципе. Они и без нее прекрас-

но обходились. И в схватке двуипостасного с чародеем я бы лично поставила на первого. Ибо магия магией, а аркан еще нужно успеть накастовать. А когда на тебя летит живая машина убийства, способная вмиг перегрызть глотку (а с ней, перфорированной клыками, заклинания, увы, не читаются), почему-то чаще срабатывают убегательные, а не убивательные навыки.

А я была чародейкой, артефактором. У меня об этом даже бумажка имелась. Хотя и сильно мятая, словно ее виверна жевала. Причем с особым остервенением.

Так что оборотни из моей расовой индексации выпадали однозначно.

На вампирессу же я не походила цветом загара. Для истинной фэйри – не вышла ни ушами, ни дурь... пардон, величественностью. Да и редкими гостями были дочери дивного народа, предпочитая жить среди сидхэ, а не людей.

Будь я драконицей, то явно практику проходила бы не здесь, а на границе южных кантонов, сражаясь с демонами, стремящимися прорвать барьер. Ибо крылатые обычно рождались с тремя, а то и четырьмя кольцами дара.

К слову, эти самые кольца проявлялись лишь во время кастования заклинаний. Они возникали вокруг запястья мага светящимися обручами, один внутри другого, так что центром первого из них была рука самого чародея. И чем этих энергетических орбит больше, тем выше уровень дара.

У меня же в детстве, когда проснулась магия, зажглась

лишь точка. Со временем и упорными тренировками, которые не давались без боли, рядом с этой самой точкой появились еще семь. И я искренне надеялась, что они замкнутся в единое звено до того, как возможный рост дара прекратится. Чаще всего у людей это порог тридцатилетия. У других рас – чуть дольше.

Поэтому моей целью было получить звание мастера первого круга, сделать то, о чем папа, обладатель трех точек, мог только мечтать... Хотя и его дара хватало на то, чтобы выполнять свою работу на отлично и без звания, и без диплома академии.

– Ну-с... – напомнил о себе оборотень, рассматривая меня с энтузиазмом орнитолога, в силки к которому случайно залетел здоровенный дракон.

– Описать себя одним словом? – усмехнулась и без тени сомнения и сомнений ответила честно: – Мудрая... Могу и намудрить, и умудриться, – попыталась я предостеречь оборотня от необдуманного шага принятия меня на практику.

– Без пояснений было бы лучше, – фыркнул двуликий, не проникнувшись увещанием. – Но зато у тебя с юмором все в порядке... А без него, паскуды, в нашем деле туго. Он нам помогает выжить, пережить и даже дожить до...

До чего именно дожить: до пенсии или нервного срыва, оборотень, правда, не уточнил. Ему помешал стук в дверь. А после короткого командного «Войдите!» в кабинете по-

явился высокий широкоплечий офицер, чей рельеф мышц не способны были скрыть ни форменная рубашка с закатанными по локоть рукавами, ни брюки.

Бугры мускулов, переплетения сухожилий перекатывались под бронзовой кожей. При этом вошедший двигался с бесшумной кошачьей грацией хищника. Такой, которая неизбежно появляется у всякого, кто проводит время скорее не со штангой в тренажёрном зале, а в спаррингах на татами.

Каждый жест этого оборотня дышал свободой, уверенностью, легкостью. Я посмотрела на его руки... Сильные. Привыкшие к работе. Разной работе. Отчего-то я не сомневалась, что они не дрогнут и от отдачи чарострела пятидесятого калибра и с ловкостью вскроют капризный тонкий и строптивый механизм секретного замка. Может, такая уверенность поселилась во мне потому, что я уже видела подобные ладони у мастеров-артефакторов и пальцы, которые были способны и удержать дьявольский напор взбесившегося в поршне элемента, и прикрутить шестеренку, которая размером чуть больше капли воды.

Мой взгляд поднялся выше к локтю, по плечу. Скользнул на шею, и тут... Я судорожно сглотнула. И вовсе не из-за демонических феромонов двуликих, от которых порою девушки забывали все на свете, превращаясь в охочих до любви весенних кошек.

Нет.

Я узнала три царапины. Потому как именно я их вчера и

оставила.

– Офицер Стэйн. Ты просил артефактора для дела по Оку Урнир. Вот, получите и распишитесь.

Двуликий ткнул в мою сторону дымящей сигарой.

И я ощутила на себе холодный, циничный взгляд синих глаз. Этот Стэйн рассматривал меня. Пристально. Остро. Неотрывно. Отчего мне захотелось поежиться. А еще – создать парочку защитных плетений. Ну или хотя бы занять в руках вот прям в этот самый момент гаечный ключ, а лучше – ломик.

Узнал или нет? Казалось, этот вопрос бился в моей голове, суматошно ударяясь о виски и перепонки. По ложбинке позвоночника пробежала капля холодного пота. Секунда. Вторая. Третья. А по ощущениям – годы, за которые моя совесть дошла до столь высокого напряжения, что могла и убить. Морально.

Мне было жутко. Что там у этого брюнета на уме?

– Теперь ты, Рид, за этого специалиста отвечаешь свой башкой, – оценив реакцию враз помрачневшего подчиненного тоном «Ты не рад? А придется!» пророкотало начальство, добавив: – И задницей тоже отвечаешь! Сейчас введешь Драккарти в курс дела. Покажешь, где, что в отделе находится. И да, на склад за формой отведешь... Вопросы есть?

Надо ли говорить, что я тут же удостоилась еще одного раздраженного взгляда брюнета. Вот как пить дать, этот за-

конник первое, что сделает, едва мы выйдем из кабинета Торкра, укажет мне вектор движения на три буквы.

– Никак нет, – баритон поцарапанного оборотня вроде и прозвучал негромко, но столь отчетливо, что невольно закралось подозрение: а точно ли Торкр тут главный?

– Порычи мне тут, – прищурилось официальное начальство. Впрочем, совершенно беззлобно. Словно учитель, только что преподавший урок талантливому, но своевольному ученику.

– Разрешите идти? – выпрямил и так идеально ровную спину Стэйн.

– Свободны. Но вечером, Рид, жду от тебя отчет по вчерашней... – отставив сигару, двуликий потер подбородок, словно подбирая обтекаемое слово, – ...операции.

Мой... кхм... куратор и по совместительству громадная, просто-таки вселенского масштаба неприятность, лишь коротко кивнул и вышел. Я – за ним.

На удивление, по коридору шли в молчании. Предупредительном таком. Которое сближает двоих примерно так же, как снайперский прицел. Полулетально сближает, поскольку один из пары на конец randevu все же остается здравствовать.

– Мы с тобой раньше не встречались, пацан? Ощущение, что я тебя где-то видел?

От таких вопросов, внезапных, как кусок известки в чашке утреннего кофе, я едва не споткнулась. Какой я, к ржа-

вому поршню?.. Нет, определенно, прежде чем задавать подобные вопросы, нужно предупреждать в духе: «Внимание! А сейчас готовьтесь обалдеть, очуметь и слегка так прифигеть...»

И лишь потом до меня дошло: оборотня обманул внешний вид «специалиста». Я была в безразмерном свитере, таких же джинсах и бейсболке. Так что... Но он же оборотень! А двуликие по запаху должны отличать... Хотя... тот же Торкр курил. А сигары, по идее, должны были напрочь отшибить ему нюх, если, конечно, вторая ипостась начальства не дельфин. Эти китообразные по природе запахов не чувствуют. Или это дымный запах так перебил мой собственный... Вон как в кабинете табаком разило... Даже у меня, человека, нос зачесался.

– Нет, – кхекнув, чтобы голос звучал чуть грубее, кратко ответила я на оба прозвучавших вопроса. Но не смогла удержаться и добавила: – А разве оборотни курят?

– Редко, – лаконично просветил меня двуликий и наверняка хотел этим и ограничиться. Но, видимо, мой вид был столь выразителен, как у дотошного репортера, который ради сенсации готов не только труп раскопать, но и организовать оный, что Стэйн сподобился пояснить: – У Торкра первый оборот случился не в детстве, а когда ему уже исполнилось восемнадцать. К тому моменту он уже дымил... И теперь перманентно пытается избавиться от этой привычки.

– Это как? – пытливо уточнила я.

– Пока не узнаешь – не отвяжешься? – прищурившись, уточнил двуликий. – И кстати, как тебя зовут?

– Дэй Драккарти, – я решила слегка подсократить и так не длинное «Дэйна»... На всякий случай, для профилактики завала зачета. Вдруг все же удастся во время практики остаться для моего куратора неопознанной? Как говорится, чего только адепт не сделает ради учебы... Правильно, всего. Даже свое полное имя не назовёт!

– Значит, Дэй... – произнес следом за мной оборотень таким тоном, словно вбил эту информацию в свою мысленную базу данных. Причем навечно, без вариантов удалить, стереть, забыть... – Так вот, Дэй, мой, а теперь и твой начальник пытается бросить курить постоянно. Но каждый раз срывается, когда начинает нервничать... Торкр старается лишний раз не нервничать, но с нашей работой вокруг одни лишние разы. Еще вопросы есть?

Последнее он спросил таким тоном, что мне тут же захотелось отрапортовать: «Никак нет!» Чудом удержалась и ограничилась тем, что помотала головой.

Дальше по коридору двинулись так, что Стэйн шел чуть впереди, а я – на шаг отстав и глядя на его широкую спину, плечи, узкие бедра... Фигура оборотня впечатляла. Да что там впечатляла. Она была эталонным образцом мужского тела. Прямо хоть на выставку скульптур древних атлетов выставляй. Прямо вот в этих форменных брюках и рубашке... только без. Чтобы люди любовались.

Распалившееся подсознание даже картинку услужливо подкинуло скульптуренного Стэйна, отчего в горле пересохло и я невольно сглотнула. И чуть не споткнулась повторно, потому как именно в этот момент двуликий обернулся. В его синих глазах на миг за клубилась тьма, а острый взгляд буквально пришил меня. Это длилось всего долю секунды, после чего я надвинула козырек кепки еще ниже. Двуликий ничего не сказал, лишь сжал губы и повернулся обратно, продолжив путь.

А я... я постаралась сосредоточиться исключительно на его темной макушке, посчитав, что так будет безопаснее. И усердно пялилась, пока мы шли мимо кабинетов и через холл, отметив про себя, что волосы двуликого отливают южной ночью. Такой же густой, чернильной, не разбавленной молочными поденками рассвета. Ну чистый мрак... Хм... Мрак. А этому оборотню подходит.

От размышлений меня оторвала офицер. Она, заведя Стэйна, махнула рукой и прокричала:

– Рид, вот ты где. А я тебя ищу!

Оборотень увидел безопасницу, устремившуюся к нам решительным шагом, и вместо ответа громко, проникновенно чихнул. Оказавшаяся рядом законница даже дернула плечом и поинтересовалась у моего провожатого вместо приветствия:

– Все еще нюх отбит после вчерашнего, Рид?

– Да, – досадливо фыркнул Мрак. – Этот алхимический

пожарогасящий раствор весь нос сжег, зараза. Ни низвергнутого не чую... А что, уже весь участок в курсе провала?

– Угу, – поддакнула оборотница. – Пока ты остаток ночи писал рапорт, слухи тоже не дремали, а активно передвигались по отделу. Я бы даже сказала: устраивали забеги по умам.

В том, что она относится к двуликим, даже не возникло сомнений. Поджарая, сложенная из одних костей и сухожилий, с коротко стриженным, абсолютно белым ежиком волос на голове и шрамом через всю левую скулу и дико, прямо вопиюще уверенная в себе, своей силе – она взирала на этот мир двумя абсолютно разными глазами: одним человеческим, с зеленой радужкой, а вторым – желтым, с вертикальным змеиным зрачком.

Лишь позже я узнала, что второе око Миникре Риру досталось по наследству, когда ее вытащили полуживую из-под шквального огня. Тогда случился очередной прорыв барьера. В бою она лишилась глаза, пары ребер, нервов, юношеских иллюзий, зато заимела седину.

Целитель, к которому оборотница попала на операционный стол, собрал ее кости, а глаз позаимствовал у погибшего в той же стычке дракона, успевшего начать частичный оборот. В нем-то зрачок и застыл. Навсегда. Вот только когда Риру встала с койки, к военной службе оказалась уже непригодна.

Она перевелась на гражданку, в департамент правопоряд-

ка. Пришла в кабинет Торкра, и первое, что тот ей заявил, глянув на ершистую оборотницу: «Не приживешься». На что Риру безапелляционно ответила, указав на свой драконий глаз, что раз у нее он прижился, то и она сама тоже. Причем в любом месте. Даже если с одного кого-то придется выдавить, как какой-то гнойный прыщ.

В общем, бросила вызов начальнику стаи... пардон, отдела правопорядка по всем правилам оборотней. Надо ли говорить, что с тех пор вот уже несколько десятков лет эти двое, хоть и работали бок о бок, друг друга недолюбливали.

– Эти... репостники, – ни на что не намекая, но точно охарактеризовав местных сплетников, двуликая хмыкнула и кивнула на сидевших в столовой безопасников. Через распахнутые двери их было отлично видно сквозь весь холл. Офицеры, как один, сейчас старательно делали вид, что нас не замечают, но при этом едва ли не пряли ушами, явно прислушиваясь. – Все утро только и судачили о грандиозном провале непогрешимого Риднора Стэйна. И хотя подробностей, знамо дело, никто не разглашал, но... Рид, ты сам же в курсе: самая лучшая почва для домыслов – недостаток информации. А у ребят никогда туго с фантазией не было.

– И какие версии? – хмыкнул Мрак с интонацией «трудно придумать что-то настолько глупое, чтобы меня удивить».

– От нанятого по твою душу киллера до ревливой любовницы, – с готовностью просветила офицер.

Из их короткого обмена фразами я поняла одну вещь: су-

дя по всему, поединок, в который я умудрилась вчера вляпаться, был не просто боем без правил, а какой-то операцией. И мы с Линк ее сорвали...

— Хотя я спешила к тебе не за этим, — меж тем оборвала сама себя двулика. — Дик хотел тебя видеть в допросной. Слабосилок-маг, которого вчера после той пенной заварухи удалось все же замести, начал колотиться. Он сейчас в допросной.

— Понял, — уже разворачиваясь к входу, коротко кивнул Мрак и добавил: — Риру, будь другом. На меня тут стажера шеф скинул. Ну, чтобы я тут желторотику все показал и формой обеспечил...

— Главный решил тебя повоспитывать, назначив нянькой? — понимающе хмыкнула оборотница. При этих словах я удостоилась ее разномастного взгляда. Он прошелся по мне катком — от кроссовок до кепки. — Ладно, так и быть, отведу твоего с-с-стажера на склад, — поняла двулика Стэйна без лишних пояснений. — Но ты мне будешь должен, Стэйн.

Мрак шуточно козырнул двуликой и исчез. А я осталась с оборотницей.

— Ну, пошли... — хмыкнула она и, едва мы двинулись в сторону коридора, с сомнением поинтересовалась: — В боевики?

— Артефактор, — я в ответ с неприкрытым любопытством изучала собеседницу. Не ей же одной пытаться закатать меня в асфальт взглядом.

– А-а-а, значит, в помощь Хуку, – протянула она. – Ну и хорошо, а то старик зашивается один. Да и не в его возрасте по вызовам мотаться... К тому же ты хотя бы одному требованию главного точно соответствуешь...

– Мне сказали, единственное требование было про лучшего специалиста, – с сомнением отозвалась я.

– Единственное? – Оборотница расхохоталась, запрокинув голову. – Да у главного был целый перечень, в котором еще имелись пункты про расторопность, выносливость... Чтобы, значит, специалист от зарядов чарострела мог уклоняться. Длинный список, в общем...

Да уж... Зато теперь я получила ответ на вопрос, почему департамент решил направить прошение Торкра в магистерию. Адепты – однозначно самые шустрые существа в этом мире. Они даже могут находиться сразу в двух местах одновременно: на экзамене и в полной жопе. Причем, судя по размеру последней, подхвостие минимум драконье.

Моя провожатая, несмотря на порой излишнюю язвительность, оказалась неплохой собеседницей. Я узнала, что в отделении есть несколько оперативных следственных групп, а многие оборотни приходили в департамент после службы на границе барьера. Мой куратор, к слову, тоже оказался из бывших военных, как и Риру. И да, между штатскими и армейскими шло негласное противостояние. Не всегда, конечно...

Вот так, за весьма познавательным разговором мы и до-

шли до склада, у дверей которого Риру меня и покинула. После получения формы мне следовало заглянуть в канцелярию для подписания бумаг и потом отправиться в лабораторию.

Вот только загвоздка вышла сразу же, на первом пункте этого нехитрого плана. Я стояла в новеньких, еще жёстких от фабричной глажки штанах и куртке и чувствовала себя, мягко говоря, странно. Говорят, что дизайнеры женской одежды создают ее с таким расчетом, чтобы в получившемся образе всегда имелось специальное место для бросания нескромных мужских взглядов. Декольте там, или длина юбки...

Так вот, разработчики моей униформы не стали мелочиться. И это «специальное место» было везде: от обтягивающих мою... кхм, пусть будет бедра брюк до выразительно потрескивающих пуговичек рубашки на груди.

А ведь я попросила свой размер! И именно он был указан на бирке. И длина – ровно моя, но вот объем... Он оказался исключительно мужским. Хотя гоблин-кладовщик с пафосом заявил, что форма универсальная! Причем вручил мне комплект с так гордостью, словно это было минимум знамя. Еще и добавил:

– Смотри, стажер, не посрами возложенных на тебя одежд!

И вот сейчас, глядя на расходящиеся на груди пуговицы, поняла: посрамлю. Обязательно. Как выйду отсюда, так и начну...

Идея пробыть всю практику парнем с каждой секундой становилась все более соблазнительной по причине своей стремительно растущей несбыточности. И дело не столько в спецодежде... Куратор в любой момент может узнать о том, что я девушка. Или другие оборотни...

Вон Риру весь разговор подозрительно на меня косилась. И я печенкой чувствовала, что она поняла: перед ней девушка. Но почему-то двулика не стала уточнять. Может, как женщина, работающая среди мужчин, поняла причину моего маскарада? А может, это лишь плод моего воображения и ей вообще плевать с небоскреба на нечаянного стажера. Но так или иначе, если я продолжу обман, то объяснение с куратором потом получится весьма тяжелым... К тому же главное – не чтобы Стэйн не опознал во мне девушку. Главное – чтобы не учуял ТУ САМУЮ девушку, со вчерашнего вечера.

А это значит, сегодня же вечером мне нужно измениться настолько, чтобы стажировку проходила все же адептка Дэйна Драккарти, но слегка и не она... Запах, цвет моих волос и их длина... Наверное, все. Значит, нужно заглянуть в парикмахерскую и парфюмерную лавку. Ну и глушащий амулет, чтобы чуткий нюх оборотня не смог меня опознать. Его я смогу сделать сама. Для артефактора создать подобный – все равно что сделать кофе с пенкой: раз плюнуть.

– Ну как, подошло? – проскрипел сварливый голос кладовщика из-за двери с интонацией «катись отсюда поскорее, меня важные дела ждут: кроссворд сам себя не разгадает!» –

Распишись давай и мотай отседова... И как енту свою практику пройдешь – не забудь вернуть! А то приходят тут такие вот соплежуи... Новенькое все им выдаешь... А они даже на куртку наработать не успеют, как сматываются. И всю обмундировку с собой утягивают, не думая возвращать!

Мне было не обидно за «соплежуя», но я запомнила. И скривилась: вот почему в детстве, если кто-то тебе не нравился, можно было стукнуть его совочком и засыпать песочком, а сейчас это статья? А гоблин-кладовщик прямо-таки просил лопаткой по голове. Хотя бы чтобы поправить корону на темечке у этой пипетки, вообразившей себя клизмой.

– Не подошла! – мстительно сообщила я.

Ответом мне стал отчетливый скрежет зубов. Новый комплект мне принесли спустя четверть часа проклятий, увещеваний и стенаний. Не сказать, чтобы он сел идеально, но во всяком случае я теперь могла спокойно двигаться и не опасаться, что на мою пятую точку будет пялиться весь отдел. К тому же в ней можно было не бояться, что если вздохну чуть глубже, то нечаянно могу совершить покушение метко отстреливш... точнее, оторвавшейся пуговицей.

Покончив с униформой, я отправилась в канцелярию оформиться и там-то узнала, что на время стажировки мне положены дотационные выплаты. И это была самая приятная из всех новостей. А когда увидела сумму своего «жалования», то впечатлилась. Весьма.

И вот так вот, с охапкой форменной одежды и договором

в зубах, я наконец добралась до лаборатории, властелином которой был магистр Хук.

Внешность единоличного правителя местной лаборатории идеально подходила для должности главного казначея. Потому как, случись последнему пуститься в бега, ориентировку писать на такого было бы одно удовольствие. Столько особых примет... Это и идеально лысая, как коленка, голова, и белоснежные пышные усы с кустистыми бровями, и бородавка, опять же, на кончике носа. А пергаментная, сморщенная, словно кора столетней липы, кожа?.. А хромота? И радикулит, напоминавший о себе Хуку едва ли не чаще, чем рудничный кашель, душивший старика?.. Ах да, самая главная черта в облике моего коллеги – это характер. Стальной. И дабы оный не подверглся коррозии, магистр Хук его регулярно протирал. Чистейшим спиртом. Изнутри своего организма.

Это все я успела понять за оставшиеся полдня, пока стояла в фартуке из дубленой кожи, очках-гогглах, дыхательной маске и жёстких перчатках и помогала магистру Хуку с анализом обгорелого обломка от тяжеловесного артефакта Элоа.

Сплавленный в пожаре кусок металла, к слову, сначала пришлось разделить рассекателем. Хук, глядя на то, как я привычно работаю громоздким резакон, добродушно проворчал, поглаживая пышные усы:

– Тяжко тебе, мелкая, в профессии придется, ой, тяжело...

Но тем, кто поперек тебя пойдёт, еще тяжелее будет, – вынес вердикт эксперт и, запустив руку в один из многочисленных карманов на штанах, выудил оттуда фляжку, отхлебнул из нее и крикнул.

Хуку, оказавшемуся троллем, я сразу же решила сказать о том, что стоящее перед ним стажерообразное существо – это девушка. Хотя бы потому, что в отличие от двуликих магистр идентифицировал людей по облику, а не по запаху. А завтра... Завтра частичную смену облика объясню тем, что решила перекраситься в блондинку. Дабы своим видом соответствовать всем тем глупостям, которые могу натворить на стажировке.

Резать и красить свои темные волосы было жаль, но это самая малая из жертв для поддержания конспирации.

А мастер меж тем продолжал:

– Упрямая у тебя порода, Дэйна, наша, артефакторская... Да и руки, смотрю, привычные к ремеслу, будто дюжину лет уже отвертку в руках держишь.

– Больше, – усмехнулась я, закончив с распилом.

– Как так? – удивился эксперт. – Тебе же, небось, около двадцати всего? Когда успела-то? Не с гаечным же ключом в руках родилась? – не поверил он.

– Почти, – усмехнулась я, не став объяснять, что мое детство прошло под треск гайковертов, звон разводных ключей и шум элементарей в моторах. И с инструментами у меня вообще отношения складывались лучше, чем с людьми. При-

чем со школы, где я умудрилась расквасить нос сыну директрисы за то, что тот меня попытался травить. Вот только его издевательское «ублюдочная сквырь» я стерпела два раза, а на третий вернула с хуком... За что меня вызвали на ковер и потребовали извинений.

Ну отец, который был в курсе подоплеки произошедшего и, подозреваю, втайне гордился моим поступком, такого требования не стерпел. И тоже ответил все, что думает о мальчиках, которые ведут себя как девочки и прячутся за мамину юбку. Вот прямо так и высказал. Только матом. А потом взял меня за руку и привел в частную школу. Там от меня, дикарки с мальчишеской стрижкой и пацанскими же замашками, все отвернулись. Все, кроме Линк.

И мы подружились. Я к тому времени уже прочно вжилась в рабочий комбинезон, знала тридцать шесть рифм на «...ять» и могла собрать двухтактный двигатель образца «Максус» в абсолютной темноте за час. И Линк, которая чувствовала себя в бутике как русалка в воде, имела первый спортивный разряд по стрельбе глазами и могла из ничего сделать прическу, скандал и ужин.

В общем, столь разительно различающихся девушек было еще поискать. И, скорее всего, не найти. Но Линк, знавшая меня уже давно, привыкла к тому, как я ловко управляюсь с механизмами и чарами. А вот Хук нет. Потому тролль и проявлял такое любопытство.

– А ты не замужем? – еще раз отхлебнув из фляжки, во-

просил он.

От такого вопроса я чуть резак не выронила. Причем прицельно на голову эксперта.

– Нет, – отрезала я, с подозрением глянув на старика. – И не собираюсь в ближайшее время.

– Что «нет» – это хорошо. Что «не собираешься» – это плохо, – рассудительно ответил тролль. – А то у меня племянник, талантливый алхимик, между прочим, в холостяках непристроенным ходит... – пояснил свою мысль.

После его ответа я не знала, что делать. То ли выдохнуть с облегчением и рассмеяться на этого старого сводника, то ли насторожиться. Ведь тролли весьма упороты... пardon, упорные ребята и привыкли добиваться своего. А мне попался не только упрямый, но и дюже опытный специалист-артефактор, да еще и сват-любитель по совместительству.

И да, мастер Хук действительно в профессии эксперта был отменным специалистом. Факт. В этом я убедилась, когда мы наконец добрались до не поврежденных пожаром деталей обломка. Те оказались от души сдобрены ядом. И нам с Хуком нужно было выяснить, каким именно. И главное – где производят оный.

Аккуратно соскоблив зеленый налет, я положила его на слюдяную пластину и навела спектральную линзу Лораха, пустив через ее кристалл магический импульс.

Магия срезонировала с механизмом, и мы увидели шкалу калибровки, высветившуюся над артефактом.

– Ну, как по-твоему? Что это? – поинтересовался Хук.

Это был вопрос наставника, а не просто опытного коллеги. И я поняла: хоть в чем-то с практикой мне повезло.

А спустя совсем немного времени только укрепилась в своем утверждении, когда эксперт лишь дополнил мой ответ по тому, какие элементы и магические составляющие входят в состав анализируемого вещества, и пояснил:

– Присмотрись, Дэй. Это не одна сплошная, а две почти сливающиеся тонкие зеленые полосы в альфа-спектре колорографа. Значит, в состав входит не только триозиновый, но и триозминоидный компонент.

Я понятливо кивнула, вспомнив из курса аналитической магии материй, что упомянутые Хуком вещества хоть и весьма похожи и даже взаимозаменяемы по отдельности, но вместе могут резонировать свойства друг друга и тем не только усиливать действие основного вещества, но и переводить его в парообразное состояние. Главное – подобрать нужные дозы... А это значило, что тот, кто сделала яд, усилил свойства последнего в разы, превратив в газ. Эту мысль и озвучила.

На что эксперт удовлетворенно кивнул и заметил:

– Да, концентрация рассчитана ювелирно. К тому же действие катализатора не повлияло на свойства самого яда. Какого, кстати?

Эксперт хитро прищурился.

– Судя по свечению остальных компонентов спектра... – Я призадумалась. – Это больше всего похоже на полумаги-

ческие яды норкор, но я бы не исключала и трепс классический. Они весьма похожи в спектральном разложении, катализатором к ним как раз служит наша триозная пара... Внешне вещества абсолютно идентичны... К тому же оба не разъедают магические связи, которые, как видно по этому обломку артефакта, вполне целые. Зато возбуждающе воздействуют на первородных элементарей, часто приводя последних в состояние плазмы, – глядя на оплывшие бока обломка охлаждающего артефакта, закончила я.

Хук удовлетворенно кивнул.

– Вот только норкор в любом агрегатном состоянии парализует и центральную нервную систему, и периферическую и гарантирует стопроцентную гибель. А трепс в парообразной форме воздействует только на головной мозг, – тролль назидательно поднял палец, – вызывая головокружение, обморок, потерю сознания.

Я же, увы, таких тонкостей уже не артефакторики даже, а скорее целительства, не знала. Этим и отличалась от умудренного опытом Хука, но с жадностью впитывала новые знания.

А еще припомнила, что в новостях и по чаронету не было сообщений о массовой гибели горожан. Зато репортеры упоминали, что на открывшейся пару дней назад выставке, проходящей под зеркальным куполом, из-за жары и духоты посетителям стало плохо и их пришлось даже вывести из зала...

Я критически посмотрела на оплавленный обломок раскуроченного механизма. Если правильно его опознала, то не так давно он было частью охлаждающей установки. Причем, судя по объему куба для циркулирования элемента, предназначена она была явно не для скромного офиса.

И теперь уже я задала свой вопрос:

– А это, случайно, не из музея? – И кивнула на стол.

– Именно оттуда, – оглаживая усы, отозвался Хук. – Молодец, догадалась.

– Значит, трепс классический, – заключила я.

Вот только если с первой частью задачи благодаря Хуку я разобралась, то со второй – опознать изготовителя яда – боюсь, не справлюсь и разочарую тролля.

О чем честно и заявила. На что эксперт лишь махнул рукой.

– Все на свете знать невозможно, Дэй. Поэтому мотай на ус... кхм... на свои темные локоны, – поправился тролль. – Самое главное из умений в нашей работе эксперта – красиво написать в отчете, что ты ни хныра забарьерного не знаешь о чем-то, но свою работу выполнил от и до. – И на мой изумленный взгляд Хук пояснил: – Конечно, эти хвостатые хотят, чтобы им на блюдечке с голубой каемочкой имя преступника подали, а уж они его тогда-то схватят... Но мы эксперты, а не боги... И лишь можем предположить – кстати, что именно предположить?... – он оборвался сам себя, задав мне вопрос.

Я прикинула, кто это мог быть. Наверняка маг. Поскольку

для того, чтобы вскрыть такой здоровый артефакт, не повредив плетений, одной физической силы мало. К тому же явно не самоучка, а с классическим, причем скорее алхимическим образованием, чем техномагическим, у которого есть доступ к лаборатории: так точно отмерить соотношение компонентов катализатора на коленке не получится. Что еще?

Я глянула на внушительный обломок... Этакую бандурину за пазухой в музей не пронесешь. К тому же яд сейчас был не в парообразном, а твердом состоянии, неактивный, практически застывший, прикипевший к деталям агрегата. А ведь создатель этого вещества его не так давно намазывал... Как раз накануне, судя по тому, что инцидент в музее произошел дня три назад. То есть четверо суток назад синтезировали яд, совмещенный с триозной парой, и поместили внутри охлаждающего артефакта. И пока тот работал в минусовом интервале температур, был неактивен. Но как только охладительный артефакт отключили, сразу же пошла возгонка яда и тот в парообразном состоянии начал травить посетителей выставки.

Именно это я до глубокого вечера и писала в отчете, пока Хук возился со странной шкатулкой – еще одним артефактом, требовавшим внимания эксперта. И как только я закончила свою работу, задала троллю вопрос, который мучил меня последние полчаса:

– А зачем нужно было травить людей?

– А вот это уже, – назидательно отозвался эксперт, – не на-

ше дело. Это офицеры выясняют «зачем» да «почему». Наша задача – ответить на вопрос «каким образом». И мы с ней сегодня справились. И вот в отличие от двуипостасных, которые яда не учуяли своими носами, сделали нашу с тобой работу на «отлично».

И Хук в очередной раз отхлебнул из фляжки.

Я на его заявление лишь хмыкнула, потому как паробразный яд не имел запаха. Лишь легкий дымок, который, полагаю, под прозрачным куполом и не заметили... Интересно только, почему все же оплавился охладительный артефакт? Но этого вопроса я задать уже не успела, потому как Хук, мельком глянув на исписанные листы, скомандовал:

– Отнеси отчет офицеру Стэйну. Он приказал, как только будут готовы результаты, я сразу же ДОЛЖЕН отправить их ему... – Хук произнес это с таким нецензурным выражением лица. При этом в его глазах была бегущая строка сплошного мата. И я сразу вспомнила присказку про то, что настоящий тролль должен... Нет!.. Нет!.. И еще раз нет! Настоящему троллю только должны!

Так, стоит запомнить, что магистр терпеть не может, когда им командуют. Обогатившись сим ценным знанием психологии, я, вновь спрятав волосы под кепку и надвинув козырек пониже, отправилась к куратору с отчетом. Тем более что Хук сказал: как отнесу бумаги – могу быть свободна.

Вот только когда я оказалась в кабинете двуликого и положила ему листы на стол, то услышала:

– Задержись.

Внутри меня все похолодело. Неужели узнал? Вот только оборотень погрузился в чтение. Хмыкнул на второй странице, там, где я писала о предположении, как яд мог оказаться в охлаждающем артефакте, и, отложив бумаги, смерил меня взглядом.

– Старик редко так подробно составляет отчет, еще и делясь предположениями. Да и почерк не его. Сам додумался?

И по этому его «сам» поняла: меня все еще не раскрыли. Эх, поскорей бы отсюда выбраться, а уж завтра я приду обновленной – и отец родной не узнает. Линк в деле преобразований специалист, так что...

– Это лишь предположение... – обтекаемо ответила я.

– Уже не предположение, а подтвержденный факт, – припечатал Мрак и, хмыкнув, пояснил: – Пока вы с Хуком проводили анализ, я отсмотрел все камеры наблюдения за последнюю неделю и нашел тех, кто под видом ремонтников вскрывал охладитель...

Завибрировавший артефакт связи, который лежал на столе Стэйна среди бумаг, заставил Мрака прерваться на полуслове. Оборотень взял переговорник, клацнув по центральному кристаллу, и, прижав к уху, отрывисто произнес:

– Слушаю... Есть совпадение по базе? Выезжаем! – И, отключившись, скомандовал уже мне: – Собирайся, пацан. У нас выезд. Ты как эксперт с нами. Через пять минут жду тебя у бокового входа.

Я лишь мысленно взывала. Вот почему, когда я оказываюсь рядом с этим оборотнем, у меня бывает только два агрегатных стояния: или нет сил, или нет слов? Зато злости – хоть в банки закатывай!

А ведь еще десять минут назад, когда я топала по коридору к кабинету двуликого, у меня было настроение из серии «выйти за хлебушком и случайно улететь на южный курорт». Так вот. Сейчас это было уже не настроение, а заветная мечта. И только. С такими мыслями я вернулась в лабораторию за выездным чемоданчиком, в котором был набор артефактов.

Хук мне его показал еще в самом начале нашего с троллем знакомства, с облегчением выдохнув при этом: дескать, теперь не ему с этой бандурной на место преступления выезжать. И вот сейчас я спускалась на первый этаж, едва не волоча тяжеленный чемодан по лестнице.

На пролете меня догнал Стэйн. Я успела заметить, что через его широкие плечи была перекинута кобура с чарострелом. А на шее, в не застёгнутом на верхние пуговицы вырезе рубашки, виднелась болтавшаяся на кожаных шнурах пара защитных артефактов. От прямого выстрела разрывного пульсара они, конечно, полностью не уберегут, но жизнь законнику сохраняют. Вот только пока я оценивала экипировку двуликого, он сам – меня.

Я кожей почувствовала его взгляд. Он прожигал. Настолько, что я ощутила в этот миг каждую клетку своего тела, каж-

дый волос, каждый натянутый как струна нерв. И с вызовом вздернула подбородок, посмотрев в ответ.

На мужественное лицо с четко очерченными губами, которые были сейчас поджаты и казались тонкими, на твердый подбородок, выдававший в двуликом упрянца, на высокие скулы и прямой нос с едва заметной горбинкой. Сейчас Мрак был напряжен. Это выдавала пара шрамов, резче обозначившихся у его левого виска.

Невольно подумала: а сколько лет оборотню? Наверное, около тридцати: явно не юнец, а уже опытный сильный молодой мужчина. Боец. Духом и телом боец. Такой, о котором враги наверняка отзываются эмоционально и нецензурно. А он о них – исключительно корректно. Но в некрологе.

И вот сейчас, судя по тому, как меня пристально, я бы даже сказала, с ненавистью изучают, закралось подозрение, что одну адептку все-таки разоблачили. И я вот-вот перейду, если уже не перешла, из категории «горе-сотрудник» в «прелесть какой труп».

Нас кисельным варевом обволокла тишина. Вязкая, густая, как и знойный летний вечер, который догорал за окном и обещал пряную, лишенную намека на прохладу и пощаду ночь.

В эту секунду мне как-то резко захотелось вести здоровый, очень здоровый образ жизни. Спортивный такой... И для начала заняться легкой атлетикой. А еще – прыжками через препятствия... точнее – перила. В общем, удрать. И я

даже сделала шаг назад, к ступеням лестницы, и почувствовала, что падаю.

Меня схватили за запястье руки, державшей рабочий чемодан с артефактами, не дав пересчитать ребрами ступени. И я почувствовала, насколько горячая сильная мозолистая мужская ладонь.

Оборотень тягуче выдохнул:

– Осторожнее. – В его ставшем отчего-то хрипловатым голосе мне послышалось раздраженное рычание. Словно вынужденное прикосновение разозлило его еще больше. – Давай понесу, а то еще грохнешься с лестницы, недоразумение ходячее, объяснительную потом пиши, как в первый же день умудрился угробить стажера.

И, не дожидаясь моего согласия, Мрак просто вернул меня в вертикальное положение и отобрал чемодан. И вот когда мы очутились во дворе, где уже, как оказалось, нас ждал фургончик чабия, в недрах которого уже успела разместиться часть оперативной группы, я слышала от двуликого задумчивое:

– И все-таки мы с тобой уже где-то пересекались...

Я, едва не вжав голову в плечи, поскорее запрыгнула в недра машины. Там, на сиденьях, стоявших в два ряда вдоль стен фургона, друг напротив друга уже расположились четверо офицеров. Я примостилась в самый дальний угол и всю дорогу вела себя как самое образцовое кладбище: была тиха и погружена в печаль. Но это не мешало мне прислушивать-

ся к фразам, которыми обменивались оперативники.

Так оказалось, что того самого ядовара уже нашли. Его лицо засветилось на одной из скрытых камер. И сейчас мы ехали проводить задержание. Но поскольку преступник был не обычным человеком, то мог подкинуть магические сюрпризы.

И пусть у всех офицеров были нателные защитные артефакты, но самое лучшее из индивидуальных (да и коллективных) средств защиты опергруппы – это живой артефактор, который может определить источник магической угрозы или не дать ценным уликам испариться, развеяться, самоликвидироваться... в общем, исчезнуть.

Глава 3

Пока мы ехали, я с интересом рассматривала оборотней из отряда, которым руководил Мрак. А четверка двуликих в ответ бросала на меня любопытные взгляды. И наконец один из них – остроносый рыжий парень с россыпью веснушек, который на вид весь состоял из одних костей и сухожилий, – подмигнув мне, поинтересовался у Стэйна:

– Рид, это и есть наш новый специалист в отделе? – кивнув на чемодан у моих ног, спросил он у моего куратора и, словно меня тут вовсе не было, заметил: – Мордашка у нашего артефактора симпатичная...

Ответом ему стал мрачный взгляд начальства. Вот только это ни капли не смутило говоруна. Он, расплывшись в улыбке ловеласа, добавил:

– Представишь нам очаровашку? Нет? Тогда я сам, – протараторил он и без промедления, собственно, и представил-ся: – Зарнир. Абсолютно свободен и не связ...

– Ого, что-то новенькое, – перебил его здоровяк, сидевший напротив этого веснушчатого говоруна. – Обычно ты, Зар, предпочитаешь знакомиться сразу методом тыка и не интересуешься такой мелочью, как имя партнёрши... или партнера, – ехидно закончил громила.

Рыжий досадливо тряхнул челкой, всплыв:

– Слушай, достал уже вспоминать тот случай! Я в душевой

тому упырю клыки выбивал, а не задницу его щупал, когда ты вошел.

– Ну да, ну да... – протянул здоровяк тоном «не заливай».

Вот только по тому, как эти двое препирались – без огонька, скорее по привычке, – стало понятно: подначивать друга друга – это их фирменный стиль.

– Хватит, – выдохнул Мрак.

И оба: и рыжий, и здоровяк – разом замолчали. А мой куратор продолжил:

– Это Дэй Драккарти – стажер. Артефактор. Временный сотрудник, – Стэйн говорил, и каждое его слово, пусть и сказанное негромко, было словно удар молота по наковальне. – Не приставать. Не обижать. Понятно? – Куратор выразительно изогнул бровь и добавил, в упор глядя уже исключительно на рыжего: – А ты, Лис, усвой эту мысль особенно хорошо. Так же, как твой организм усваивает белки, жиры и углеводы.

Рыжий понятиливо кивнул. А потом Мрак, кивнув на понурившегося веснушчатого офицера, начал:

– Этот шустрый, иногда даже слишком шустрый малый, – Зарнир.

– Быстрота для стрелка самое важное, – рыжий все же не утерпел и вклинился.

«Вот ведь бесстрашный двуликий, – подумала я, глядя на Зара, чьи волосы, собранные в короткий хвост, блестели медью даже в тусклом свете чабиа. – И как с таким характе-

ром ему еще не свернули шею? Видимо, и вправду отлично стреляет или хорошо бегают. Но, скорее всего, и то и другое».

Мрак, не подозревая о моих мыслях, меж тем продолжил меня представлять своим подчиненным. Хотя его хмурый вид без слов говорил: куратор предпочел бы этого не делать. Видимо, хоть и не унюхал Стэйн во мне виновницу своего ночного провала, но чутье ему все же что-то нашептывало. Иначе откуда такая неприязнь к стажеру?

– Друг Зака, хотя в это и сложно поверить, – взгляд куратора в сторону здоровяка, – Северин.

– Если нужно будет кому-то набить рож... – Громила в последний момент словно опомнился и исправился: – В общем, набить – обращайся.

И он расплылся в щербатой улыбке.

– Мириам. – И Мрак указал жестом на пепельную блондинку с длинной косой. – Отвечает в отряде за слежку.

– Можешь звать меня Мири, – прошелестела она.

– И наконец, Леард, – кивок на кучерявого парня, сидевшего рядом со мной, больше похожего на подростка, чем на офицера-законника, – чувствитель.

Я нервно сглотнула. Да чтоб вас всех грызни сожрали! Чувствитель! Я слышала, что среди двуликих оборотни с подобным даром рождаются редко. Такие, находясь рядом, по твоему пульсу способны определить, лжешь ли ты. Ходячие детекторы правды. То-то теперь неудивительно, что этот кудряш на меня всю дорогу косится.

Хотя обычно такие, как этот Леард, замкнуты и себе на уме: все же жить в абсолютной, обнаженной правде – непростое бремя. Ведь каждый из нас лжет. Каждый день. Хотя бы в мелочах. Чтобы не обидеть, сгладить неловкость... Надеюсь, что и этот оборотень придержит при себе полученные знания. Мало ли с чего я могу испугаться? Например, первого дня стажировки...

– Не стоит так переживать, – словно вторя моим мыслям, произнес Леард и улыбнулся одними только губами.

– Так заметно? – спросила очевидное, лишь чтобы не повисла пауза.

– Если не будешь пытаться разорвать кожу на сиденье ногтями – то не столь сильно, – усмехнулся кучерявый, и я только сейчас заметила, что действительно впилась ногтями в обивку.

И тут чабиль затормозил.

– Мы на месте. Выходим. Как всегда, я и Сев – впереди. Зар – прикрывает, Дэй, ты за Заром. Мири – замыкаешь. Леард – на тебе вход, – и мне показалось, что Мрак озвучил это исключительно для меня. Остальные и так все знали, безо всяких приказов.

И, увидев, как слаженно действует группа, я лишь убедилась в этом предположении. Предстояло подняться на третий этаж ничем не примечательного подъезда. Он был таким же, как и еще два соседних. Так же расписан граффити. С таким же темным нутром ступенек, напоминавшим промас-

ленные потроха дракона.

Я подняла взгляд на окно, куда несколько мгновений назад указал Мрак. Оно, в отличие от многих, распахнутых по такой жаре, было плотно закрыто и зашторено. Но слабый свет, проникавший через бдительный фейс-контроль гардин на улицу, подтверждал: внутри кто-то есть.

Взгляд мазнул по припаркованным рядом чабиям. Машины стояли плотно друг к другу, почти под самыми окнами. Причем были среди них не только легковые, но и парочка с тентами, разящие рыбой. Видимо, последние принадлежали трудягам-водителям, что на рассвете развозили утренний улов с причала по магазинам, ресторанам и цехам.

Первым шел Мрак. Хотя шел – неверное слово. Он тек. Плавно и стремительно одновременно. Был стрелой, спущенной с тетивы. Нельзя было понять, как у него получалось так перемещаться. Но я могла лишь четко выделить начальную и конечную точку движения Мрака. А все, что между, – неуловимо, смазанно.

Вторым – громила Северин. Его движения были не такими плавными, как у куратора, но столь же бесшумными. Но если Стэйн и громила держали каждый по одному чарострелу, оставив вторую руку свободной, то у рыжего оружие лежало в каждой из ладоней. И казалось, что оно для смешливого веснушчатого двуликого было не чем-то чужеродным, а естественным продолжением его самого. Барабаны, каждый из которых заряжен шестью разрывными пульсарами, курки,

короткие хромированные дула столь же гармонично смотрелись у Зара, как его большой и указательный палец. Убери их – и получишь ущербность.

Почувствовав на себе мой взгляд, Зар на миг обернулся и подмигнул, прошептав:

– Любуешься?

– А как же, – не стала спорить я, ответив на ультразвуке. – Отличные чарострелы.

– Чарострелы? – словно не сразу поняв, что речь не о нем самом, тихо, не нарушая конспирации, переспросил рыжий, но быстро сориентировался: – О да! – с особой, какой-то отческой гордостью, отозвался стрелок. – В них мастер-оружейник вложил душу.

– Причем вложил ее явно не одну. Скажу это как артефактор, – отозвалась я так же тихо. – Создавший их явно был тем еще затейником...

За спиной почудился придушенный смешок Мириам. Видимо, эти самые чарострелы были в отряде той еще притчей во языцех.

Ответить мне Зар не успел, хотя по его лицу было видно, что очень хотел. Его, уже набравшего воздуха в грудь, перебила на первом же, еще до конца не родившемся звуке, команда Мрака:

– Приготовились!

И Стэйн начал беззвучный отсчет, показав сначала три пальца. Потом два. Один и...

Дальше прозвучало четкое громкое:

– Откройте именем закона!

Ответом стала тишина. Переглянувшись и не сказав ни слова, Мрак и громила слаженным движением выбили дверь. А Зар, до этого, казалось, стоявший еще на ступенях лестницы, вдруг очутился между здоровяком и Стэйном.

Троица вошла в квартиру. И почти сразу же раздалось:

– Раненый!

– Периметр чист!

И я, не думая о протоколах и инструкциях, рванула внутрь. Причем с такой резвостью, словно и не оттягивал руку тяжёлый рабочий чемоданчик. Потому как законником я была всего лишь день. А человеком – всегда. И это простое человеческое – помочь, спасти – и гнало меня вперед, заставив наплевать на возможную опасность.

В гостиную мы с белокурой оборотницей влетели вместе. И если она заозиралась, ища возможного убийцу, спрятавшегося за ширмой или стеной, и переводила пистолет от одного предмета к другому, то мне было не до этого. Все мое внимание было приковано к старику-гоблину, лежавшему на полу.

Он умирал. Его грудь буквально изрешетили пульсарами. А один из выстрелов зацепил еще и шею, порвав вену. И раненый еще не отправился к праотцам не иначе как из одного лишь своего упрямого желания жить. Такого, про которое циничные целители шутят: если пациент настойчиво хочет

остаться в этом мире, то помешать ему даже врачевание бес-
сильно, не то что какая-то там смерть.

– Зар, Сев – проверить верхние этажи. Мири – низ. Убий-
ца не мог далеко уйти. Мы с Дэй осмотрим тут все.

Миг – и трое уже исчезли, словно их и не было. А Мрак
достал амулет связи и отрывисто бросил в кристалл:

– Капитан первого ранга Риднор Стэйн. Бригаду целите-
лей. У нас тяжелораненый... – и начал диктовать адрес.

Я же в это время склонилась над умирающим. Изрезанные
морщинами черты стремительно белеющего лица, на кото-
ром отчетливо выделялись окрашенные кровью губы: ране-
ный пытался дышать, но вместе с каждым выдохом выпле-
вывал кровь, которая, похоже, заполнила легкие.

Я судорожно открыла чемоданчик. Есть. Проявитель. И
хотя он был предназначен совершенно для другого, при ра-
боте заметно охлаждал все вокруг. Сойдет вместо компресса
со льдом. Потом постараюсь магией стянуть раны. Пусть я не
целитель, но дар-то, пусть и слабый, все же есть. И первую
помощь с использованием чар могу оказать.

Рядом со мной на колени опустился Стэйн. Но что он,
оборотень без магии, мог сделать? Как оказалось, кое-что
все же мог. Движение двуликого, скорее похожее на легкий
точечный удар, и пальцы Мрака пережали вену на шее ста-
рика, не позволяя крови вытекать пульсирующим потоком.

Я уже положила активированный артефакт на грудь муж-
чины, когда мое запястье вдруг схватила крепкая мозоли-

стая рука умирающего. И окровавленные губы едва слышно прошептали:

– Меня хотели обмануть... и слить... Думали продать без старика Дира... Но я их обманул... – Гоблин закашлялся пугливой кровью. Но все же нашел в себе силы продолжить: – Теперь не смогут... Отомсти... Гроб... Порт...

Последние слова были больше похожи на бессознательный бред. Нелюдь шептал их, уже закрыв глаза. И я почувствовала, как безвольно опала рука старика, державшая мое запястье. Я не могла осознать... Вот так, только что на моих руках... Был живой – и в следующую секунду уже...

Я сидела перед ним на коленях в ступоре. Голова была звеняще пустой. Наверное, то же самое чувствует целитель, впервые потерявший на операционном столе пациента.

Стэйн убрал пальцы от шеи, на коже которой старческие пигментные пятна перемежались с кровавыми.

– Дэй... Ты в порядке? – вкрадчивый голос оборотня вырвал меня из оцепенения, и в душе стремительно начала подниматься волна.

Мне захотелось заорать, что ни гремлина я не в порядке, но тут я увидела, как из-под кровати вылезает маленький котенок. Он жалобно и почти беззвучно пискнул, а потом за его спиной раскрылись крохотные кожистые крылья. Видимо, для баланса, чтобы не упасть. Эту же функцию выполняло и торчащее пикой скорпионье жало, заменявшее типичный для котят хвост-морковку.

Манतिकоренок, а это был именно он, на шатающихся лапках, готовый в любой момент завалиться на пол, подошел к нам и остановился, чтобы еще раз жалостливо мяукнуть.

– Остался без хозяина? – спросила я, склоняясь над мелким. Надо же, даже у прожжённых преступников могут быть вот такие привязанности. Маленькие и беззащитные.

Я протянула руку к нему, чтобы взять, и увидела, как под кроватью, из-под топорщащейся половицы, поднимается белесый дымок. Вот только запаха я не ощущала. Зато голова начала кружиться.

Перед глазами встала картина оплавленного бока охлаждающей установки... Усилием воли я запустила поисковый импульс. И за миг до того, как пришел отклик, я почувствовала, как под досками активировался гигантский механизм из тех, которые до определенного момента не распознать никакими сверхчувствительными артефактами. Потому что они не активны. Но смерть хозяина запустила обратный отсчет...

Не иначе как маг, заподозривший что-то, приготовил сюрприз для тех, кто придет по его душу. Но его убийцы об этом знали, раз оставили раненого истекать кровью, а не пристрелили сразу, тем дав себе время, чтобы уйти. А вот мы с Мраком...

– Сейчас здесь все взорвет...

Но мы не успели. Я не договорила, когда со стороны входа раздался взрыв. Брызнула щепка, взметаемая к потолку клу-

бами пламени. Как в замедленной съемке, я увидела мчавшуюся из коридора стену огня, которая отрезала путь к спасению.

Она еще не дошла до нас, но ее жар уже сжигал кожу. А половицы продолжали взмывать вверх, выворачиваемые ударной волной. Я открыла рот в беззвучном крике, когда сильная рука схватила меня за шкуру.

Рывок – и два тела: мое и оборотня, – в прыжке выбили собой окно. Звон стекла резанул по нервам. Языки пламени опалили спину, а потом нас ослепила яркая вспышка, залившая своим светом едва ли не весь район, – это сдетонировал огненный элементаль, находившийся в духовом шкафу.

И, уже летя вниз и ничего не видя от выжигающего саму ночь яркого пламени, я успела подумать: если двуликий и выживет, то человек при падении с четвертого этажа – нет. Я – точно нет.

И в этот миг мое тело обхватили, прижали, заставив окатиться сверху – и тут же удар. От которого воздух вылетел из легких, заставив... закашляться? Следующий вдох мне дался с большим трудом. Но дался! А я, глядя на огонь, вырвавшийся из окна четвертого этажа, ощутила, что лежу на чем-то твердом, вздымающемся и подозрительно напоминающем мужскую грудь. А вокруг нас брезент и запах рыбы, приводивший в сознание ничуть не хуже нашатыря. Мы упали на тент малого грузового чабия... Но промахнись оборотень парой футов – и удар пришелся бы о мостовую.

Я обессиленно скатилась с двуликого и облегченно выдохнула: жива! Вот только радость моя длилась ровно до фразы Мрака:

– Так, значит, вчера это была ты...

И я запоздало почувствовала, что на мне нет кепки, а волосы... они разметались по плечам. Повернула голову, очутившись лицом к лицу с оборотнем, и... Взгляд Стэйна был настолько тяжелым, что мог притопить меня в водах стольной Орты ничуть не хуже тазика с цементом...

– Я не говорила, что у меня клаустрофобия? – выпалила я, прикидывая, как бы мне удрать отсюда. Ну или атаковать. Хотя бы словесно. Пока мне не начали убивать.

– Здесь нет замкнутого пространства, – прищурившись, отозвался оборотень, пристально глядя на меня и не давая сбить себя с толку.

– Зато в гробу, в гробу есть. И очень замкнутое! А с такой стажировкой домовина мне будет обеспечена!

– Мяу! – солидарно пискнуло откуда-то сбоку. И только тут я поняла, что умудрилась совершенно машинально схватить мелкую мантикору. Вот чемоданчик с рабочими артефактами, за порчу которых меня, даже мертвую, Хук поднимет, чтобы еще раз лично угробить, – нет, оставила. А пушистость...

– Мр-р-р... – Переминая на месте лапками, словно собиралась прямо тут, на брезенте, устроиться, мантикора смотрела на меня преданными и столь честными глазами, что сра-

зу стало понятно: передо мной та еще хитрюга.

Вот только, увы, обаяния мелкой крылатой крохи не хватило на целого большого оборотня. Потому как Мрак вдруг оказался нависшим надо мной, словно скала. И я услышала:

– Кто тебя подослал? Рохт? Отвечай! – Если бы мы стояли на земле, а не на натянутом, словно батут, брезенте, то, может, оборотень меня еще и за плечо тряхнул бы. Но с учетом моего положения я отлично «тряхнулась» без его помощи. Сама. Всем телом. Лишь чуть попытавшись отползти.

– Кто? – не поняла я.

– Не лги мне, девочка. Вчера ты сорвала мне внедрение. Сегодня по невероятному совпадению оказалась в моей команде, еще и притворяясь парнем...

– Еще скажи, что я и этот взрыв организовала! – рявкнула в ответ, упершись руками в брезент и поднимаясь.

Точнее, попытавшись подняться. Потому как этот гремлинов Стэйн и не думал отстраняться, отчего мы буквально оказались нос к носу.

Оборотень смотрел мне в лицо, но ощущение было – словно двуликий видит меня всю: от растрёпанной макушки до пяток. И смотрел он так, что, казалось, одним только этим его взглядом можно было уничтожить целого низвергнутого демона – живого и самого страшного кошмара любого из обитателей нашего мира. Хотя... если Стэйн воевал у границы барьера, то счет «низвергнутых», убитых им, наверняка шел на сотни, а то и тысячи.

– А могла? – холодно спросил он.

И это взбесило. Потому что двуликий обвинял меня в том, чего я не совершала. Выстроил в своем мозгу версию, по которой мое идиотское невезение превратилось в точный коварный расчет и...

Внутри поднялась волна кипящей злости. Той, что выживает страх, заполняет пустоту внутри, сминает любые доводы разума, заглушает первейший из инстинктов – самосохранения, дает смысл, ради чего жить и мстить... Захотелось пробить кулаком кирпичную кладку стены или хотя бы как следует врезать одному перевертышу.

– А еще я могла отлично сдохнуть! И вчера, когда вывалилась из этого мротова воздуховода, лишь по счастливой случайности не свернув шею, и сегодня, едва не сгорев заживо и не разбившись в лепешку о брусчатку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.